

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It depicts a young woman with curly brown hair, wearing a tall, pointed green and yellow striped hat and a voluminous, translucent green dress. She is sitting on the floor, resting her chin on her clasped hands, looking directly at the viewer with a slight smile. To her right is a window with a wooden frame, through which some foliage is visible. The overall lighting is dim, with a warm, yellowish glow emanating from the woman's dress and the title text.

МОСКОВСКИЕ СТОРОЖЕВЫЕ ВТОРАЯ СМЕНА

Это только кажется,
что сторожевые ведьмы
знают и могут всё

Лариса Романовская

Лариса Андреевна Романовская
Вторая смена
Серия «Московские
Сторожевые», книга 2

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6496643

Вторая смена: АСТ; М.; 2014

ISBN 978-5-17-077711-2

Аннотация

Обычной на первый взгляд москвичке Жене Шереметьевой – сто двадцать восемь лет, ее дочка Аня – приемный ребенок с задатками перспективной ведьмы, а в брак Женя вступила только для того, чтобы уберечь от смерти мужчину, начавшего когда-то охоту на нечистую силу. Это только кажется, что сторожевые ведьмы знают и могут все. Вовсе нет, они куда уязвимее обычных людей, хотя им часто приходится решать те же самые задачи. Сосредоточившись на своих ведьминских заботах, Женя не сразу замечает, что за ее семьей идет самая настоящая слежка.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Лариса Андреевна Романовская Вторая смена

*Посвящается маме –
Марине Михайловне Гориковой*

Примечание от автора:

Улицы Беллинсгаузена в Москве нет. Все остальное
– в наличии.

Пролог

15 декабря 2008 года, понедельник

На руках у Марты – племянники и мозоли.
За плечами Марты – шаль и полвека жизни.
Под ногами небо, в нем воздух чуть недосолен,
И прочнее почвы – ножной довоенный «Зингер».

Дозревает каша и планы на послезавтра.
Половицы солнцем укутаны, словно шарфом.
Не проходят годы, не требуются лекарства:
Потому что должен же кто-то работать Мартой.

У детей племянника внуки – их надо нянчить.
Повернуть года тяжело – словно печку на бок.
И не глядя в глупую правду восьмой задачи,
Марта скажет: «Пиши: Адам съел шестнадцать яблок».

Не откажет в просьбе – пока не откажет сердце:
«Не помру до завтра – сделаю. Нет – простите».
И пропах мукой и грушами список действий:
«В воскресенье поставить тесто – придет Спаситель».

Легче всего в этой ситуации было повеситься, но Ирочка предпочитала другие способы решения проблем. С таблетками получилось бы надежнее. Линька – процесс не сильно приятный. Перерождаться, лежа в теплой, уютной постели, куда удобнее, чем в ванной, в компании обвалившейся вешалки и вывернутых дюбелей. Так что вся надежда оставалась на таблетки. И на неприметную, крайне удачно расположенную квартиру: самый стык двух районов, граница между Марфушиным хозяйством и Лениным. Бывшее общежитие, часть квартир до сих пор коммунальные. Беспокойное место. Люди живут плотно и недружно. Эмоции – в каждой комнате. Очень грязные, тяжелые. На их фоне вся та ненависть, которая полезет из нее во время линьки, будет не сильно заметной. Примерно как еще один окурок на грязной лестнице. Меньше шансов, что найдут.

Квартирой на Беллинсгаузена Ирочка озаботилась еще в начале осени. Брала, честно говоря, для Ростика. Мальчику опять двадцать, у него очередная студенческая жизнь. Шумно. Про покупку Ирочка ничего сыну не говорила, берегла сюрприз на крайний случай. Тем более недвижимость оформлена совсем не на нее, и, при наличии очередной невестки, можно выкрутиться, не хвастаться лишним приданым. Ростя же нормально жить не мог, постоянно тащил в дом своих лимитчиц. Вспомнить хотя бы эту Любочку, что он подцепил в тридцать пятом году. Выкопал из каких-то Сум. Или Сумов? Эта дуреха с ним потом даже в Ташкент

сумела прорваться. И теперешняя девка наверняка не лучше.

Но в ноябре Ростя ушел, хлопнул дверью, спасибо не сказав, и от этого стало тошно. Ирочка ухватилась за работу. Заказы шли плотным потоком, сложные и срочные, по двойному тарифу. Она жалела, что переругалась с младшей дочерью: у Ленки, при всем ее чистоплуйстве, способности хорошие. Но толку? Ленка – девица с принципами, не пойдет на такое. Пришлось взять себе в помощницы совсем другую девочку, Марфушу. Старательная, верная, недалекая. Лишних эмоций не испытывает, мирскими проблемами не проникается, весь мир – одна дочка Аня. Тоже, кстати, одаренный ребенок. Даже слишком: начала кое о чем догадываться, задавать вопросы.

Нюх на опасности у Ирочки был превосходный. Выручал всегда, особенно в лихие двадцатые, когда томная Ирэн превратилась в мешочницу Ирку-Бархат, сменившую поэтические посиделки и театральные премьеры на более прозаический мир Марьиной Рощи. Тогда везло, и сейчас тоже повезет.

На квартиру Ирочка собиралась переехать после первых нападений, но замешкалась. А сегодня дура Марфа сказала, что Севастьяныч скоро вернется в Москву. Надо было срочно линять!

Савва сразу начнет искать предателя, трясти и вынюхивать. И ведь натрясет, зараза. А еще с Саввы станется появ-

зять своих клятвой: дескать, найдем гада и расстреляем. В смысле – устроим ему показательную Гибель. Чтобы никому другому в голову не пришло губить своих. Ирочка, представив эту душещипательную картинку, хохотала истерически. У Севастьяныча ведь в подчинении молоденькие девочки, лет по сто двадцать, зеленые совсем. Они Савве в рот заглядывают. Даже те, кто постарше, – Зинка-Княжна – родились уже после Темных времен. Они знать не знают, как именно их любезный Севастьяныч торговался с мирскими, по какой цене продавал жизнь своих же братьев и сестер, какую Гибель определил многим честным ведьмам, как своими руками... А так-то Севастьяныч у нас хороший, да. Как и положено тирану-победителю. В общем, из-за него, паршивца, Ирочке сейчас приходится бросать клиентуру, хорошие заказы, приличную квартиру и сматываться в этот клоповник на Беллинсгаузена.

Последний день старой жизни был суматошным. Ирочка с ночи паковала вещи. Все взять было невозможно, но она очень старалась: пусть Старый или его сыскной сморчок поверит, что она подалась далеко, в такие места, где даже забей-травы и квадратных корней не найдешь. Ирочка бы, может, и вправду бы улетела куда подальше, причем не своим ходом, а «боингом», так ведь таможня, леший бы ее побрал! То, что для обычной ведьмы – рабочий инструмент или редкий артефакт, для мирской службы безопасности – либо ан-

тиквариат, либо вообще колюще-режущие предметы! А сдавать в багаж цацки XV века дураков нет!

Телефоны – что городской, что мобильный – взрывались короткими очередями звонков: клиентура сулила гонорары, рыдала, умоляла и ругалась. Потом к заказчикам прибавилась Марфа, которой стало, наконец, чудиться что-то неприятное и плохое. Все, теперь к этой овце домой не сунешься, не забереешь незаметно то, что лежит у Марфушки на самом видном месте, притворяясь обычной мирской вещью. Одна надежда – Аня сумеет сберечь Ирочкино добро. Ну или зло, в зависимости от применения. Как бы ей еще объяснить про такое, не раскрывая сути вещей?

Чемодан послушно плыл рядом с ней по размякшему тротуару, вспарывая колесиками ледяную слякоть. Если не приглядываться, то и не поймешь, что Ирочка его не волочет, а придерживает, чтобы не вырвался из рук, не улетел. Грязная иномарка из недорогих сама ткнулась мордой в тротуар. Водитель согласился на крохотную цену, выбрался из-за руля и клацнул багажником:

– Давайте чемоданчик.

– Спасибо большое, я сама. – Из-за мелкого ведьмовства багаж весил не больше воздушного шарика. Если шофер возьмет чемодан – не поймет и перепугается. Глушить водителя равнодушием нельзя, это слишком серьезно. Хорошо, что вообще спохватилась, а то бы так и ехала, оставляя после

себя легкий, но осязаемый след. Как пену за кормой.

Чемодан задрожал, потом рванулся вниз – так, словно падал на землю с двадцатого этажа, а не с пятисантиметровой высоты. Ирочка осторожно коснулась теплой пластмасы: погладила вещь, успокоила. Заодно попрощалась с ведьмовством. Может быть, и ненадолго:

– Хотя нет. Помогите, пожалуйста. Только осторожно, он очень тяжелый.

Квартирка была маленькой, какой-то явочной. Прежние владельцы по Ирочкиной просьбе не стали выбрасывать старую тахту. Зато все остальное увезли с собой. Даже дверные ручки из ванной и туалета, даже задвижки с форточек. Не говоря уже про крючки для полотенец. На чем тут вешаться?

В ничейном пространстве каждое движение отзывалось эхом, отталкивалось от лысых обоев. За стеной четко звучали пронзительные злые голоса. Ирочка подобрала хороших соседей: сперва присмотрела именно их, а уже потом квартиру.

– Дрянь, гадина такая! Ты же мне никто, поняла? Ты вообще никто и ничего не стоишь! Вот только посмей мне еще раз возразить, поняла?

– Ты сама никто!

Под этот немудреный аккомпанемент Ирочка разобралась с багажом. Вынула комплект белья, вытащила ночную рубашку, вывернула ее наизнанку, швами наружу. Приличный

саван, не хуже, чем у других.

– А зачем ты вообще меня рожала? Ты же всех ненави-
дишь!

– А не твое дело, зачем! Не твое! Захотела – и родила.
Захотела бы – и аборт бы сделала.

С таким звуковым сопровождением не захочешь, а отра-
вишься. Только запить лекарство нечем. И после обновле-
ния, в первые дни, когда еще зубы толком не прорезались,
сильно захочется воды. А принести будет некому.

В квартире не оказалось ни одной чашки. Даже однора-
зового пластикового стакана. Даже мыльницы. Ведьмачить
нельзя, а выходить в сторону неизвестно где находящегося
магазина не хотелось. Люди – и на улице, и в магазине – бы-
ли живые, а она как будто уже нет. После такого культпохода
можно и передумать. Ирочка позвонила в дверь соседям.

Первой отозвалась девчонка:

– Мам, да не знаю я, кто это, не ори.

– Соседка, – твердо отозвалась Ирочка и на всякий случай
сжала ладони в кулаки: чтобы не ввязываться в работу, не
внушать собеседницам, что они давно знают новую жилищку.

– А ну иди в комнату, я сейчас разберусь. Кто там еще?

– Из пятидесятой квартиры.

– Иди к себе, я сказала! И что? Мы мешаем, что ли?

– Не совсем. Откройте, пожалуйста... – Ирочка сжала ла-
дони еще сильнее, до розовых следов на коже. Ничего, шкур-
ка снова сменится, и когти сперва выпадут, потом вырастут.

– А что нужно? – Дверной замок лязгнул неуверенно.

– Пустая банка или пластиковая бутылка. Литра на два, – четко отозвалась Ирочка, а потом добавила: – Пожалуйста.

– Сейчас... – озадачилась невидимая Екатерина Ивановна Мешкова тысяча девятьсот шестьдесят второго года рожде... – Чего стоишь? Иди на кухню, посмотри под мойкой. Женщина, вам с крышкой или без крышки?

– Как угодно. – Ирочка медленно дышала, пытаясь думать о чем-нибудь нерабочем.

«Maître Corbeau sur un arbre perché, tenait en son bec...»¹
Дочь вроде тоже Мешкова, девяностого года рождения. Или девяносто пятого? Какая разница? Это неосторожно, опасно. А чей это дом вообще? Марфушкин или Ленкин? Распустехи! Что же они эту бабу никак не могут нормально обработать? Два приступа ей сделать, чтобы языком подавилась, и все. «Maître Renard par l'odeur alléché...»

– Мам, ну я не нашла эту бутылку!

– Не нашла она! Женщина, постойте еще минуту, мы сейчас! Вот кретинка!

Соседка Мешкова и впрямь напоминала мешок. Или тюфяк. Полинявшая, обрюзгшая. Замызганная, вот. Ростинька наверняка бы придумал ей прозвище. Такое, чтобы в одном слове и внешность, и характер. Он талантливый мальчик.

– Вы меня очень выручили. – Ирочка вежливо растянула

¹ Басня «Le Corbeau et le Renard», Лафонтен. Более известна у нас в версии Крылова «Ворона и лисица».

губы в улыбке.

– Да чего там. Берите на здоровье. А вы сюда насовсем переехали?

– Нет, – честно соврала Ирочка. «Et pour montrer sa belle voix, il ouvre un large bec...» Руки чесались наслатъ ложную память, внушить элементарную легенду. Навести морок, превратив себя в юную барышню двадцати с небольшим годов. Или помоложе – потому что у Ирочки такая природа, она обновляется очень резко, в полную силу. Не до стандартного ведьмовского совершеннолетия, а лет на шестнадцать. До полного полового созревания, как и полагалось в давние времена.

– Сдавать, что ли, будете? За дорого?

– Сюда переедет моя родственница, она сейчас лечится. После Нового года выпишется из больницы и немного здесь поживет.

– Старая?

– Кто?

– Родственница, кто ж еще-то... – со странной надеждой поинтересовалась соседка.

– Совсем не старая.

– Ну наркоманка, наверное, – сообщила Мешкова, протягивая двухлитровую бутылку из-под пива. Даже с крышкой, хоть и чужеродной. – Молодых так просто в больницу не кладут. А как ее зовут?

– Э-э-э... И-и-и... – называть себя своим старым именем

Ирочка не хотела категорически. А удачного нового, на собственную букву, еще не подобрала. В памяти застряла только никчемушная Изадора, долбанутая кошатница, чудом уцелевшая во Второй мировой.

– Ия, что ли? Не расслышала.

– Нет, Иза. Иза...белла.

– Прямо как виноградное вино. А меня Катей зовут. Если чем помочь, полы помыть или в магазин... Вы родственнице передайте, пусть обращается. Я недорого, много не попрошу.

Темный пластик весело скрипел под напором воды, послушно выпрямлялся, как будто даже разбухал. Ирочка проверила, хорошо ли заперты изнутри все замки. Вошла в темную комнату, поставила бутылку у тахты. Начала переодеваться – на ощупь. Стопка одежды легла на крышку полупустого чемодана, сапоги встали рядом. Мобильник отозвался тоскливым воем – будто предчувствовал долгую разлуку.

– Аня, ты одна сейчас?

– Ага. Мама по району пошла, я с ней не захотела.

– Молодец. Не страшно одной?

– Нет. Мама Ира, а ты чего шепотом? Я тебе звонила, а ты трубку не берешь. А у меня двойная тень от свечки получилась. Целых два раза. Мама думает, это она меня научила.

– Умница.

– Ты мне что-нибудь хорошее за это подаришь?

– Обязательно, только потом...

Сейчас не нужно было ведьмовства. Она и без того чувствовала Анютку. Вроде и не дочка, а все равно родная. Как маленькая Маня. И такие же косички. Анька их всегда на ночь заплетает, а потом мочит – чтобы утром волосы вились. А пижама у Анечки голубая в белые ромашки. Или желтая в бабочку. Они вдвоем выбирали эти пижамы, а заодно праздничные белые колготки. Анютка радовалась, капризничала, задавала вопросы и училась, училась, училась.

– Аня, послушай меня внимательно. Сейчас мы поговорим, потом ты найдешь в телефоне функцию «стереть звонок» и удалишь мой вызов. И никому про него не скажешь. Это у нас такая тайна будет, от мамы...

– А я маме еще про ту тайну так и не сказала. И про эту не скажу.

– Молодец. Анечка, это очень-очень серьезно. Я сегодня уеду, меня начнут искать. У мамы спрашивать, у тебя. Ты не удивляйся. Отвечай на все вопросы.

– Я не хочу отвечать. А зачем ты уедешь?

– Ну, у меня такая работа.

– Мирская или настоящая?

– Настоящая. И у тебя тоже будет задание. Очень важное. Скоро к вам придут... разные гости. Они могут забрать тебя от мамы. Ты не бойся. Помнишь, я тебе подарила бумажную куклу? Вот если тебя из дома заберут, ты возьми ее с собой – прямо в коробочке, той, где фломастеры и маленькие ножнички. Будешь играть, рисовать кукле платья, вырезать. И

никому коробку не отдавай. Хорошо?

– А ты ко мне приедешь?

– Нет, Анют. Я тебе позвоню.

– Один раз?

– Нет, часто. Только это тоже будет тайна. Если станет совсем плохо, сделай то, чему я тебя учила. У тебя все получится, поняла меня? А потом я приеду и тебя заберу!

Аня еще говорила, но Ирочка вдавила палец в красную кнопку. Выдохнула. Поняла, что давно стоит возле кровати, босиком на холодном полу. Она забралась под плед. Свинтила колпачок у лекарственного пузырька, запила таблетки. Отмерила новую порцию отравы. Снова потянулась к телефону. «Ростинька, я уехала. Вернусь не скоро. Люблю. Мама». Мобильник хрюкнул, вырубился.

Ирочка почувствовала, как в ушах нарастает первый гул – мягкий, непрочный, сквозь который пробивается все подряд: и шелест лифта на площадке, и гудки машин за окном. И очередная неврастеническая реплика за стеной:

– Ты нарочно, нарочно так делаешь! Ты всю жизнь такая! Вся в отца! Ты же в могилу меня скоро загонишь, Алина!

«Загонит обязательно», – улыбнулась Ирочка плохо гнущимися губами. Откинулась на подушку, стала слушать шум. Он становился громче. Как море, если идти к нему шаг за шагом. Как большая черная волна, с которой уже началась ее очередная новая жизнь.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, Панкратов Савва Севастьянович (рабочий псевдоним Старый), 1599 года рождения, исполняющий обязанности руководителя Московского городского Смотрового округа, Смотровой Юго-Юго-Западного (Зюйд-Зюйд-Вест) участка г. Москвы, в настоящий момент по интересующему вопросу имею сообщить следующее.

В декабре 2008 года группой моих сотрудников и коллег (Смотровые, Отладчики, Спутники разных категорий, от учебной седьмой до высшей включительно) в ходе расследования дела о гибели гражданки Израиля Гурвич Изадоры Гедды, временно исполняющей обязанности Смотровой Северо-Восточного (Норд-Ост) участка, было зафиксировано серьезное служебное правонарушение.

Состоящие между собой в сговоре Смотровая Марфа Петровна Нарышкина (рабочий псевдоним Мальва) и Отладчица Ирина Ульяновна Субботина (рабочий псевдоним Бархат) осуществляли регулярное незаконное взимание платы за услуги мирским, реализацию Темных ритуалов, оставление мирских без помощи в заведомо опасной ситуации и другие запрещенные Контрибуцией действия.

21 декабря 2008 года Нарышкина М. П. принесла клятву на камнях мирской женщине в ситуации, не

являющейся форс-мажором.

28 декабря 2008 года Нарышкина была взята с поличным, дала изобличающие показания и была приговорена к Казни через ментально-тактильную амнезию. Приговор был приведен в исполнение в ночь с 28 на 29 декабря 2008 года в квартире обвиняемой при пяти свидетелях. Инструмент реализации – кольцо золотое с платиновым напылением, 88 золотников, диаметр 15 мм, французский размер 7, венский 47, снабженное алмазом огранки „груша“ (17 карат).

31 декабря 2008 года Субботина И. У. была объявлена в розыск. 1 января 2009 года на чрезвычайном заседании Московского окружного Сторожевого суда Субботина И. У. была заочно приговорена к смертной Казни через сожжение.

Моим единоличным решением несовершеннолетняя дочь Нарышкиной М. П. Собакина Анна определена на воспитание в семью московской Сторожевой Озерной Евдокии Ольговны (1887 г. р.), Смотровой Северо-Западного (Норд-Вест) участка г. Москвы, и ее актуального супруга, урожденного мирского Зайцева А. В.».

Часть первая

13 февраля 2009 года, пятница

Телефон был дисковый, еще чехословацкий. Когда-то Вера специально просила мастера удлинить провод, чтобы блестящий бежевый аппарат стоял на столе посередине залы. А теперь рука не поднималась выкидывать много чего услышавшую на своем веку аппаратуру. Казалось, что в этом механизме скопились все ее тайны, просочившиеся в черные дырочки трубки за столько лет. Выставишь вещь на помойку – а кто-то подберет и узнает про все задушевные разговоры.

Про свою тайну-сказку она молчала. Отмахивалась на все предложения Валерки, старшего сына, и невестки Алки, которая за столько лет почти своя уже стала. Хороший Валерка. Заботливый – в своего папашу. А вот младший, Тема, в Веру. Упрямый, цельный, как орех в скорлупе. Что хотел – то и получил: живет в Москве, квартира своя, работа хорошая. Правда, с семьей как-то непонятно, вроде тридцать пять уже Темочке, а холостой... Впрочем, это не Верино дело. Первой Теминой свадьбы, после техникума, хватило за глаза. Главное, чтобы был жив-здоров и наконец-то снял трубку!

– Здравсте! – чирикнул детский голосок.

Вера тихонько охнула. Хотела в Москву позвонить, Тёмочке, а вместо этого, видимо, набрала Валеркин домашний номер.

– Оленька, ты что, в школу не пошла сегодня? Это баб-Вера. Я попозже позвоню.

Междугородняя, а потом код Москвы. Обычно они с Тёмой по мобильному разговаривали, хотя бы раз в неделю. Но в последнее время ему некогда было, все торопился, сообщения писал. Вроде и нормально, а неспоко...

– Алло, а вам кого нужно?

– Оленька! Это бабуля...

– Я не Оленька, я Анна, – раздраженно заметила девчушка. – Вы кому звоните?

Вера даже зажмурилась. Неужели взаправду склероз начинается? Но потом сообразила, что в Москве с этими телефонными кодами неладное, может, опять сменили?

– Алло? – хмуро спросила незнакомая Анечка. – Вам кого позвать?

– Артема, – не задумываясь, ответила Вера. В голове что-то щелкнуло: как будто механизм какой отключили. Сейчас всему найдется объяснение...

– А папа уже на работу уехал! – сообщили в трубке.

Надо же, какое забавное совпадение: номером ошиблась, а там тоже Артем живет. Надо будет ребятам рассказать.

– Вы напишите папе на мобильник, – беспечно посоветовала девочка Анечка. – Восемь, девятьсот три, сто три...

Пальцы сами потянулись за отточенным с двух сторон карандашом. Но записывать цифры Вера не стала. Потому что Темочкин мобильный номер помнила наизусть. Она поблагодарила, положила трубку. Снова набрала Тему – словно надеясь, что сейчас, после того как цифры проговорили вслух, случится чудо, и сын окажется в зоне доступа. Но вместо этого полетели мелкие противные гудки. Номер сбрасывают, Валерка тоже так делает, если Вера звонит ему не вовремя на работу. Неладно как, нехорошо. Господи, прости и помилуй...

К религии Вера относилась настороженно, старалась обращаться за помощью к Богу только в крайних случаях, не беспокоить по пустякам. Но сейчас встала из-за стола, нашла глазами иконку в серванте-хельге, торопливо перекрестилась, выпустив наконец из пальцев ненужный карандаш.

– Это вы опять? – недовольно поинтересовалась Аня.

– Деточка, позови взрослых, хорошо? – назвать незнакомого ребенка «внученькой» Вера не могла. Даже если эта Аня ей теперь и приходится...

– Женька! Тут папу спрашивают, чего им говорить?

В ушах мелко задрожало эхо, отозвалось стуком сердца. «Живый в помощи вышнего, в крови Бога Небесного...»

– Вам Артем нужен? – Голос был ласковым и немного знакомым. Как у советских теледикторш. Тогда телевизор включался не сразу, сперва звук, потом цвет, и Вера научилась угадывать по голосу ведущих программы «Время». А Темоч-

ка был маленький, сидел на ручке кресла и отказывался уходить, когда «Спокойной ночи» закончилось...

– Он живой? – неожиданно спросила Вера.

– Конечно. Просто он не слышит ничего. Вы ему можете отправить смс?

Вера вцепилась пальцами в карандаш. Уставилась на лакированные синие грани. Главное, что живой, живой.

– Это мама Темочкина звонит.

– Вера Сергеевна, с Артемом все в порядке. Он вам сейчас напишет, я передам.

– Спасибо. – Вера так переволновалась, что сил удивляться не было. – А вы...

– А я Темина жена, – дикторским голосом представилась трубка.

– Лана? Ты, что ли? – на всякий случай насторожилась Вера.

– Нет, я Женя...

Минуту назад Вера жалела о том, что младший сын хлостует, а теперь как по заказу. Будто волшебной палочкой махнули: и дочка, и супруга. А почему же он молчал?

Вера удивлялась, но лениво, словно ее в сон клонило. Ласковый голос Жени-жены накатывал – как волны на светленький песчаный пляж... Старый аппарат, отзывавшийся обычно кратким длинканьем, против обыкновения смолчал. Словно и его успокоили.

По статистике, семьдесят три процента супружеских ссор возникает на бытовой почве. И чаще всего молодожены ссорятся из-за того, кто именно будет заправлять пододеяльник при смене белья. В упор не помню, где я выкопала эту самую статистику. Наверняка в каком-нибудь домохозяйственном чтиве, живущем на моей тумбочке. Там поверх журналов стоит фотокарточка. Мой покойный муж Саня Столяров ободряюще смотрит со снимка. Был бы живым – подмигнул бы. Только вот толку...

– Жень, ты чего делаешь?

При виде Аньки я вздрагиваю всеми частями тела, едва не роняю несносный пододеяльник, наступаю на его край домашними туфлями! И вся конструкция из меня, белья, одеяла, ругательств и туфель падает на кровать. Полцарства за горничную! Правда, она в нашем доме спятит, а зла мирским мы причинить не можем, это Контрибуцией запрещено. Придется выпутываться самой.

– Женька, а ты положи, чтобы разрезом к себе, и просунь туда один угол.

Совет срабатывает. Одеяло теперь лежит в тряпичной оболочке – ровно и достойно, как начинка в пироге. Пока Анька его застилала, я топталась рядом и пыталась поблагодарить Марфину дочку, объяснить, что я пододеяльники

ненавижу, и они уже много лет отвечают мне взаимностью.

Телефон ожил длинным сигналом межгорода. Анька опередила, цапнула трубку. Я думала, что это Ленка, а там какая-то мирская номером ошиблась. Быстро отключилась, я ей даже тревогу снять не успела. Анька не ушла из комнаты, пялилась по сторонам. Поэтому на второй и третий звонок тоже она ответила. Я к тому моменту уже сообразила, кто там. Ух ты, у меня свекровь теперь есть! Настоящая! А главное – живет почти в тысяче километров от нас. Но вслух про такое не скажешь, особенно когда под боком крутится ребенок...

– Анют. – Я опускаю трубку и срочно вгрызаюсь во вспомненную тему для разговора: – У тебя в школе все нормально?

– У меня лицей. Все. – Анечка кивает так утвердительно, что у нее подпрыгивают тонюсенькие, несовременные косицы.

– Никто не обижает? – Все-таки дети, они... Вот если бы мы не с двадцати одного года обновлялись, а прямо с рождения – это ж мне каждую молодость приходилось бы заново образование получать? Да еще по всяким экспериментальным программам?!

– Нет, конечно. Пусть только попробуют.

– Если тебе надо помочь...

– Все нормально. – У нее сейчас голос, как у матери. Интонации, паузы между слов... Только у Марфы голос был глубокий, а у Аньки писклявый – ей всего восемь лет.

– Женька! Ты мне больше ключи на шею не вешай! Я их на брелочке носить буду! – Анютка выволакивает из кармана пластмассовое сердечко. Абсолютно не рабочее, обычная безделушка из ларька. Хорошо хоть, что «я тебя люблю» по-английски без ошибок написано, а то вот в моей прошлой жизни, помнится, был такой случай...

Я интересуюсь, где именно Аня откопала этот, *pardonnez-moi*, аксессуар.

– Папа в ларьке купил. Я попросила – он сразу купил, – торжественно хвастается Анечка. Я бормочу себе под нос очередное дежурное «здорово» и думаю, что до наступления настоящей женской красоты Анютке еще расти и расти.

– Женька, а это кто? – интересуется она, заглядывая под кровать. И я дергаюсь, предположив, что у нас завелась морская мышь или мирские клопы. Она держит в руках тот самый фотоснимок. Свалился Саня все-таки. И когда успел?

– Это Саня, мой бывший муж, – откликаюсь я и еле сдерживаюсь, чтобы не продолжить: «Санька, знакомься, это Анютка, моя приемная дочка. Помнишь, ты дочку хотел?»

– Красивый, – вежливо говорит Аня и пробует засунуть снимок обратно в рамочку. – Это в прошлой жизни было?

– В позапрошлой. Дай сюда, я сама. – Я забираю фотокарточку. И чуть не заталкиваю ее в рамку изнанкой наружу. Прямо надписью «Еве от Сани. Навсегда».

– Он уже умер, да?

– Он давно умер. Еще на войне...

– На той, где папа воевал? – интересуется Анька. У Артемчика в анамнезе и вправду горячая точка. И он, оказывается, ребенку уже успел рассказать! Ну чем он думал? Анютка и без того травмированная, а он про свою мясорубку ей басни травил.

– Нет, Анют, на другой, которая с фашистами была... Меня там тоже убили.

Анечка молчит. А я уже настроилась рассказать ей про свою позапрошлую жизнь. Хотя про мужа Саню, хоть про войну. Мне кажется, что Анечка такие вещи поймет.

– А у тебя моей мамы фотографии есть? – Аня при мне первый раз про мать вспомнила. Я не знаю, то ли это она стесняется, то ли все свое горе Старому и Гуньке отплакала, пока у них жила.

– А у тебя нету?

Аня мотает головой. Ну правильно: Марфа ее просто на зимние каникулы из дома увезла. Они с собой в Инкубатор почти ничего из вещей не взяли, какие там фотографии! Марфа же не знала, что погибнет. Или знала?

– Я попробую поискать.

– Хорошо, – откликается Аня без какого-либо интереса. – Женька, а у нас что на обед?

– Еда, – морщусь я.

У Ленки могут быть снимки с того вечера, когда мы ее провожали в светлый путь. А может, у Зины или Таньки. Там все бегали с фотоаппаратами наперевес. Мы не так уж ча-

сто собираемся не по работе, а просто оттянуться. И, собравшись, фотки тоже делаем – все честь по чести, как и полагается на любой рабочей пьянке. Может, у Афанасия спросить? Стоп. Марфа-то еще живая. Пусть хуже безумной или покойной, но тело на месте. Возьму с собой на дежурство «мыльницу», и никаких проблем.

– Ты знаешь, я вспомнила! Есть фотографии у одной моей знакомой! Я с ней договорюсь и тебе принесу. Анют, я сейчас буду забей-траву сеять. Поможешь?

– У меня уроков много.

Я подкалываю волосы старорежимными шпильками и начинаю разрабатывать руки. На них целая стая заусенцев, царапины какие-то идиотские и даже маленький ожог – тяжкие увечья, полученные на фронтах кухонных и прочих домашних работ.

Как же жалко, что Анька не ведьмачит, а то помогла бы: мы же сами себя вылечить не можем, не дано нам это. Вся надежда – на свою сестру или брата. Придется обойтись мирскими средствами, подрезать всю эту жуть. Где у меня маникюрный набор? В сумочке целая куча барахла откопалась, а банальных ножниц след простыл. А ведь я их видела недавно, буквально вот перед глазами мелькали.

Я наворачиваю круги по спальне, огибаю стаю пакетов, набитых неведомо чем. Со съемной квартиры сюда все перевезла, а разобрать руки не дошли. Надо Аньке банку ее жестяную отдать – она как раз поверху отсвечивает. На крыш-

ке домики узорчатые и прочий сусально-святочный пейзаж, внутри бумажная куколка, куча одежды к ней, дюжина фло-мастеров и ножнички, чтобы нарисованные шмотки вырезать.

Ворох бумажных нарядов подозрительно шуршит, когда я вытаскиваю из него блестящий инструмент. Он заточен хорошо. Все лохмушки состригаются на раз. Даже чересчур – я себя все-таки задела слегка, поцарапала палец. Слизываю капельку крови и с недоверием гляжу на ножнички. Какая хозяйка, такой и инструмент. Анька меня сама цапнуть готова.

– Анька! Передумаешь – приходи. Я на кухне добро готовлю!

Если по-правильному, то у нормальной ведьмы должно стоять две плиты: одна – бытовая, вторая – для рабочего варева. Но в коммунально-общинные времена с ведьмовской готовкой большие сложности были. Ведь всей квартире вот так, за здорово живешь, глаза отвести невозможно. Потому что отвод – он субъективного значения. Каждый мирской, глядя на мою законную кастрюлю, в которой чинно булькают наструганные квадратные корни с двумя пригоршнями кошачьих слезок, увидит то кушанье, которое уважает конкретно он. Одному кажется, что у меня сейчас борщ убежит, другой интересуется, из чего я в марте месяце земляничное варенье варю, третий вообще все за самогонку примет. И если они это одновременно озвучат, то я раскре-

чусь за три секунды. Приходилось заготавливать общую обманку: дескать, белье кипячу, ничего интересного. В крайнем случае, если дело больно серьезное, говорила, что вещи перекрашиваю. Запах подобрать несложно, а для отвода глаз практически в любое варево можно сунуть тряпицу. На многие зелья побочная начинка не влияет. Наоборот, если в омолаживающем чулки полчаса прокипятить, то на них петли сами собой подымутся. Надеюсь, это Анютке не пригодится никогда, но я все равно расскажу.

С этого года я работаю в две смены, за себя и за Марфу. Езжу по ночам на ее участок. Обычно меня туда подкидывает Темчик: наша свежеиспеченная семья стала обрастать традициями – как полочка в ванной моей парфюмерной стеклотарой.

– Женя, осторожнее. Там скользко. Если что, вызываешь меня. «Решетка» и две двойки. Помнишь?

– Угу! – Я снимаю с себя бусы и браслетки, ссыпаю все галантерейное богатство в недра сумочки, кидаю ее под ноги и тянусь к дверце.

– Женя, ты баллончик забыла!

– Спасибо, зай... – Я забираю на фиг ненужную пшикалку и улыбаюсь.

Марфин район я не особенно люблю, и он отвечает мне безразличием. Несмотря на то что работа у Смотровых одинаковая, и мирские на всех участках одного и того же поши-

ба, ведьмовство у нас разное. Примерно как почерк.

Навесить на школы и прочие казенные дома заклятие-«сборник» – это как пододвинуть ведро под подтекающую раковину. Только в него попадают не капли воды, а дурные мысли и намерения. Его надо периодически сливать, а то злость будет вонять. Этой гадостью я и занимаюсь. Один садик, второй, третий, потом школа-интернат, там вообще плохих эмоций не ведро получается, а целый общественный сортир – типа дощатого сарая на три десятка «очков». Очень пыльная работенка.

Но морщусь я не из-за брезгливости: на Марфином участке наследил кто-то. Ведьмовство положительное, без малейшего вреда мирским, а все равно неприятно. Пару часов назад кто-то подправил то, что плохо лежало: парочку ссор, острое алкогольное опьянение и семейку, чуть не спятившую из-за прогрессирующего Альцгеймера прадедушки. Может, и мирские так на наши благодеяния реагируют: все вдруг хорошо, да больно странным способом, даже и не верится?

Я продолжаю убираться. Ну как можно было участок до такого состояния довести? Он ведь живой... Кем надо быть, чтобы этой вонищи у себя под носом не почувствовать? При Аньке я про Марфу плохого слова не скажу, не пристало такое про покойников, даже живущих, а сейчас выматерюсь тихонечко, но с большим удовольствием. Потому как Марфа «сборники» вычищала согласно предоставленным отчетам – раз в три месяца. А это, в принципе, такая же ерундень, как

младенца по расписанию кормить: ему на будильник и академические выкладки начхать, подавай тепло и маму...

Странно я как рассуждаю: будто у меня самой уже ребенок есть. Причем выношенный, долгожданный. Что за... А-а, это окно в доме за интернатом фонит, там младенца мамаша убаюкивает. Молоденькая, сама еще дите дитем... Молодец, не побоялась в одиночку в это все впрячься, рисковая девочка. А чтобы ты себя не грызла и за всякие очевидные мысли не ненавидела, пошлю я тебе, моя золотая, детского массажиста, молодого и разведенного. Семьи у тебя с ним не сложится, но красавицей себя почувствуешь, оно тебе сейчас надо. Завтра ты в поликлинику проспишь, а послезавтра на чужую смену попадешь. И будет у тебя и небо в алмазах, и...

Что там следующее? Тут нормально, тут похмелье, тут пустая квартира... Я вычитываю темные и горящие окна, иногда морщусь, иногда улыбаюсь, но по сторонам при этом все равно поглядываю... Когда Анютка дома, мне все время кажется, что она мне в спину смотрит, даже если мы при этом лицом к лицу разговариваем. Ее тут нет, а я к одиночеству никак привыкнуть не могу. Как к выдранному зубу.

Тут нормально, тут помирятся к утру, тут отлично, тут не дури, чувак, и ложись спать, не развалится без тебя Интернет, а вот сюда немножко хороших снов надо, потому что после полуночи у кошмаров самый разгул. Так, где у меня сны были? Я ж своими руками их в карман утрамбовывала. Нашлись, красавцы: вот сладкие сны, вот детские, вот вещие.

Блин-компот, эротические просыпались, ну что ты станешь делать? Сорри, дорогой неизвестный мирской, но я тебя уверяю, порнуха – куда лучше кошмариков.

– Отдежурила? – Артем потягивается, уворачивается от моей руки. Фу, Жека, назад! Ко мне, скотина такая! Нелзя. Сама же решила не грешить, чего уж теперь... Вот и выполняй, поняла? Ты же в него сейчас втрескаешься по самые заусенцы, а он... Фу! Это тебе не Гунечка, который из себя весь такой декоративный, что перекидывается в комнатного кокер-спаниеля, это настоящий...

– Артемчик, а вот если бы ты собакой был, то какой породы?

– Служебной, – огрызается Артем. – Ремень пристегни!

– Ты не служебный. Ты у меня бойцовый, Темчик! Типа бульмастифа. Только у них глаза красные, а у тебя...

– А у меня тоже красные от недосыпа, – рычит Артем. Мы с ним сейчас оба как собаки. Неважно, какой именно породы, главное, что на поводках. Жестких.

– Болят? Давай помогу?

– Не надо.

Вот так и живем: то ли есть у меня мужчина, то ли нет. Вроде я замужем, а толку от моего замужества как от Саниной фотографии на комод. Но с Саней хоть поговорить можно, кажется, что он все слышит, просто не говорит. А мой Артемка, даже когда с ушами, все равно пень. Замше-

лый.

Эх, Саня, Санечка...

– Что?

– «Зая», я говорю. Заечка ты мой.

– Ремень не забыла?!

– Да пристегнусь я! – Можно подумать, этот самый ремень меня хоть раз от чего-нибудь спас. С тех пор как меня под куполом лонжа подвела, я вообще никогда и ничем не страхуюсь. Но с Темкой спорить – как гвозди членом забивать – толку никакого. Я щелкаю кнопочкой. Словно искусственные легкие Артему подключаю – он сразу выдыхает и успокаивается.

– Темчик, а вот если бы ты на работу пришел, а кто-то другой за тебя твои дела сделал, ты бы как к этому отнесся?

– Смотря какие именно дела. Давай поконкретнее. Что именно? Собеседование провели? Накладные подписали? – Темчик начинает проникаться идеей.

– Что-то мелкое, не сильно важное... Взятку кому-то дали, допустим. – Я сбиваюсь с мысли, словно спотыкаюсь о дребезжание мобильного. Ленка, наверное. Не иначе ей повестка прилетела... Телефон нехотя выпутывается из подкладки. Нет, не Ленка.

– Ань, ну что там у тебя опять случилось?

– Я проснулась, а вас нету... Вы где?

«В гнезде», – мысленно отзываюсь я. А вслух озвучиваю совсем иную версию:

– Мы недалеко.

– Пусть папа приедет. Скажи, чтобы он мне марципанов купил. Я ему смс пришлю.

– Ну? – Темчик смотрит мне в рот. Слух у него сейчас есть, это он память тренирует, учится читать по губам.

– Фигня. Анька проснулась, ей страшно одной.

– Ты знаешь, ребенка одного ночью оставлять...

– Да не оставляй! – фыркаю я. – Я меня катать не просила, сама спокойно доеду!

– Жень, может, нам няню взять?

– Вот только мирских в мое хозяйство впутывать не надо? – Я вспоминаю о том, что у молодых супругов семьдесят три процента ссор происходят на бытовой почве. Но в эти проценты никогда еще не вписывались споры о том, можно ли в семью, состоящую из замотанной ведьмы, вредного ребенка колдовской породы и на редкость тупоголового ученика мирского происхождения, брать домработницу. И если брать, то кому из нас троих она будет нужнее всего?

* * *

Из Темкиной машины я вылетаю растрепанным вихрем. Назад не оборачиваюсь, молча скрываюсь за углом. В первом дворе налево, там, где горит пятое окно на третьем этаже, все недовольство личной жизнью испаряется. Ну это надо? Мужик нагрузился водкой по самые пассатижи и теперь на

жену крысится. Это он ее так с праздником всех влюбленных решил поздравить. Да хоть с днем граненого стакана!

Раз – снять перчатки, два – прицелиться, три – вырубить в опасной квартире свет, четыре – заменить бутылку. Свет я отключила, а водку обезвредить не могу. Хотя превращать вино в воду и обратно многие умеют чуть ли не с рождения. Простенькое ведьмовство, всего-то нужно плюнуть и растереть. Но я уже весь асфальт под окном исплевала, а вот заклинило.

В темноте мирским не видно, что сивуха мутирует сперва в подсолнечное масло, потом в бензин, потом в томатный сок... Бредятина! Ведь русским же языком попросила водку в воду перекинуться! Да еще этот терпила грешный собирается по пьяни поковыряться в приборном щитке. Он с отверткой на лестничную клетку выйдет, да там и рухнет, как подкошенный, до утра. А я свет в квартиру потихоньку верну и входную дверь заклиню: чтобы жене не пришло в голову его тащить обратно, раздевать и спать укладывать.

Мужик отрубается вовремя. Копейка в копейку, как я рассчитывала. Леший с ней, с водкой, жена ее в раковину сейчас выльет. Но вообще это странно. Раньше меня никогда так не клинило, даже в старости... А что у нас в соседнем окне? Вчера все было хорошо, я ж их проходила, помню. А сейчас в вверенной мне квартире происходит форменное смертоубийство в виде большого, разбухающего на глазах скандала. Такую беду надо решать быстро и ювелирно: например,

ложным телефонным звонком. Вот за это я, кстати, сериалы люблю: там всегда в самый актуальный момент либо телефон звонит, либо кто-то из второстепенных персонажей заявляется. Прямо наглядное пособие для Сторожевой.

– Ты ей, значит, ребеночка сделал, и все шито-крыто? Головой надо думать было, а не головкой от...

– Инна Павловна, пожалуйста, возьмите себя в руки! Давайте я вам чаю сделаю!

– Мам, ну что за драмтеатр? Ритке волноваться вредно, а ты...

– И эта туда же! Тебе на нее всю жизнь плевать было!

– Слушай, ну что ты как пень стоишь, уводи Ритку, не видишь, у мамы крышу сорвало?

Сильно как мирскую перемкнуло. Она сейчас всех ненавидит – и обеих дочерей, и неслучившегося зятя. А еще ей себя жалко до чертиков! Потому что сама была в той же ситуации. Только на ней никто жениться не собирался. И теперь одна половина тетки дочке завидует, а вторая – себя, юную и идиотскую, жалеет. Еще минута, и глубоко беременная барышня узнает о своем внебрачном происхождении.

– Ты думаешь, у тебя все, люблю – трамвай куплю? Да он тебя бросит через месяц...

– Мама, заткнись!

– Ритка! Ах ты...

– Инна Падловна...

– Стерва такая! Ну это ж надо, думает, что я, значит, с ее

заморышем буду...

– Я ее сейчас убью, честное слово, Коля, я ее сейчас просто убью, и все, Коленька, держи меня, пожалуйста, я ее сейчас придушу своими руками, как я ее сейчас ненавижу, Коля...

– Он тебе через месяц ручкой сделает, и афвидерзейн, а вот кому ты потом нужна будешь со своим приданым?

– Коля, пусть она заткнется, Коля, сделай что-нибудь, я же не могу уже больше...

– Замолчите!

– Ага, сейчас, будет он мне указывать, шустрый какой... А-а-а-а! Убивают! Мамочки!

– Я предупреждал... Я вас... предупреждал и буду предупреждать... И еще буду...

– Мамочки! Коля, Коленька...

– Помогите... Убива... Надька! Надька-а-а, помоги, он же меня сейча-а-а!

Все, атас! Я передержала ситуацию, заслушалась. Телефонный звонок, быстро! Долгий, невозможно громкий звонок, чтобы как межгород. Где у них аппарат? Елки-палки, он у них за неуплату отключен со вчерашнего дня. Вот почему мамаша так бесится – не может обиду кому-то из подружек слить. Ее распирает от эмоций, как недоеную корову от молока. Вот я дура, с ходу не проверила!

У них даже уронить толком нечего: на стенах ни картины, ни иконы. Либо часы с кукушкой на кухне, либо полку с хру-

сталем в «стенке» обрушивать. Выбираю хрусталь – от него грохота больше и брызги очень красиво разлетаются. Жду, когда тетка сделает паузу между очередным «убивают» и «ах ты сука». Дергаю на себя стеклянную полку – резко и четко. Я внизу, у подъезда рукой двигаю – будто дверцу на себя тяну, а у них там в квартире и вправду шкаф распахивается и всякие салатницы летят на пол. А вслед за ними рушится «убиваемая» Инна Павловна, которую потенциальный зять приложил спиной о шкаф.

Такое совпадение один раз на сто ситуаций случается! Эти обормоты вообще не заметили, что у них шкаф сам по себе распахнулся. Ни на секунду не испугались и принялись дальше друг друга месить. Придется лететь! Сейчас в ворону перекинусь – и вперед, в самую гущу скандала. Мирские всегда боятся, когда птица в окно влетает.

Не могу перекинуться, вот хоть убей! Как будто оглохла, онемела, ослепла и заодно потеряла всю женскую суть. Ведьмовство во мне клокочет, но не выплескивается.

Я бессмысленно развожу руками, пробуя стряхнуть мирским на голову люстру. Не отвожу взгляда от окна, лишний раз боюсь сморгнуть, убрать с глаз слишком тяжелые слезы.

Смотрю в упор – до той секунды, пока в проклятушую форточку не влетает долгожданная, слишком крупная для обычной вороны птица. Кто-то из наших. Спасибо, сестренка. Ну или братишка. Жалко, что я тебя разглядеть не могу. И вам спасибо, соседи снизу. Только вам не ментов на-

до вызывать, а скорую помощь – у перепуганной насмерть Ритки начинаются схватки. Нет, ребеночек родится в срок, я это успела разглядеть. И, хотя ведьмовство во мне еле телепается, я успеваю показать чужой судьбе невидимый кукиш, удержать в тепле материнского тела раннего младенца. Потому что его здесь ждут.

Я решила, что умерла раньше отпущенного срока – как в обе мировые войны, – и теперь омолаживаюсь экстерном. Сейчас буду отсматривать все промахи нынешней жизни! Лучше бы настоящее показали: получил ли Артемка ученичество, кто в Марфином районе ковырялся без спросу, а эти психи, они помирились вообще или нет?

На мысли о психах я встряхиваюсь. Так, голова есть, причем больная и несчастная. Интересно, где я сейчас торчу и почему у меня тело как изломанное? Глаза раскрыть можно, но с трудом. Я ошиваюсь в липком сугробе около все того же подъезда. Будто в обморок свалилась, хотя себе такого не позволяла, даже когда институткой была.

– Девушка, у вас все в порядке?

Меня пытаются перевернуть. С такой нежностью, будто я – мешок подмороженной картошки. Нет, какое-то сходство тут определенно есть... Я благодарно чихаю, избавляясь от застрявшего в ноздрях снега, усаживаюсь в сугробе поудобнее и пробую осмотреться. Подъезд опознала. Себя тоже. Девушка, которая меня тормозит, – старшая сестра пострадав-

шей. Одна из участниц загашенного мной скандала. То есть не мной. Такое ощущение, что замирить разбушевавшееся семейство я толком не смогла, кто-то мне помог. Соседи, что ли, ментов вызвали?

– Девушка, вы как?

– Спасибо, нормалек... – автоматически отвечаю я. Может, они сами перестали фестивалить, не довели семью до разрушения? Вот не помню, хоть зарежь.

– Что с вами? Сердце?

– Да нет, так, геморрой... – Я хлопаю себя по карманам. Ключи, мобильник, зернышки-семечки и сигареты с зажигалкой... Хорошо, что не умерла. Пришлось бы зубы заново отрачивать, а я этого терпеть не могу.

– Кровотечение? – дергает меня за помятый рукав перепуганная мирская.

– Чего? – Устраиваюсь в сугробе как в мокром, холодном, но мягком кресле. Похоже, я упала в снег так, как нам и предполагается, – «шинелью». У этого положения много разных наименований: «мимикрическая летаргия», «ассимилятивное укрытие». Но в обиходе прижились два названия – «шинель» либо «пальто». Если ведьма или ведун неожиданно умирает мирской смертью – расстреляли, допустим, или сердце прихватило, – тело инстинктивно принимает самую незаметную, спасительную позу. Чтобы мирские не поняли, что это такое валяется, не похоронили или, чем леший не шутит, не кремировали. Со стороны кажется, что это какая-то большая

тряпка на земле лежит – допустим, шинель или ватник дра-
ный. (Так у мирских и пошли легенды об оживающих мерт-
вецах: кто-то из наших после неудачной смерти брел на клад-
бище подлечиться, а его заметили.)

Кувыркнувшись в неожиданный обморок, я вполне убедитель-
но прикинулась ветошью. Поэтому меня санитары скоро-
рой, грузившие беременную Ритку, и не заметили. Или за
бомжиху приняли: мирские их считают за барахло, без вся-
кого нашего вмешательства.

– Это неприлично, вы извините. Понимаете, у меня только
что увезли на неотложке сестру. А она...

А она глубоко беременная, я в курсе. И то, что с ее дитем
все будет отлично, – я тоже помню, хотя в упор не знаю, как
я им ведмачила. Ясно, почему у этих чучундриков скандал
засох: когда у будущей мамы схватки со всей дури начинают-
ся, там уже не до семейных разборок, лишь бы все выжили...

– Все будет хорошо, – откликаюсь я. Вдыхаю дымчатый
зимний воздух, осторожно приглядываюсь к обстановке в
квартире и склеиваю закатившуюся под диван хрустальную
фиговину: то ли пепельницу, то ли розетку для варенья, я по
осколкам не очень соображу. Пардон, стекляшка, быть тебе
пепельницей, они у меня лучше выходят.

– Вы уверены? – все еще сомневается Риткина сестра.

– Они выживут! – обещаю я и радуюсь тому, что еще не
закурила. Сидящая со мной девица табачный дым не пере-
носит от слова «совсем». А мне надо аккуратненько подуть

ей в лицо: вдохнуть надежду.

– Все абсолютно... Фух! Просто несомненно... будет хорошо! Они обязательно выживут... Я обещаю... Не знаю, как вас там зовут, но обещаю... Фух!

– Надежда! – Мирская сразу забывает про наш разговор, но не про данные ей спокойствие и обещание.

Савва Севастьянович Панкратов по прозвищу Старый, главный Сторожевой Москвы и Московской области, чешет по местным заледеневшим колдобинам, напоминая чувака из анекдота, которого застукал не вовремя вернувшийся из командировки муж. Это ж откуда я Савву Севастьяныча так подорвала, если он сюда появился в вязаной шапочке системы «пидорка», куртофанчике на рыбьем меху и белых парусиновых брючатах, пошитых в городе Ялте пятьдесят с гаком лет назад. Я давлюсь смехом и дымом, а потом вскакиваю с бортика песочницы.

– Все в порядке, Дусенька?

– Все просто зашибись, – мрачно киваю я. Потому что в словах Севастьяныча мне четко слышится: «Ну что, Озерная, достукалась?» Хотя я в упор не понимаю, в чем виновата. Все же сделала по правилам: обнаружила нештатную ситуацию, доложила старшему по званию и заныкалась... в смысле – спряталась в безопасном месте, не показывая свою ведьмовскую суть неизвестному количеству противника.

– Упала в обморок, очнулась в сугробе, прекрасная и бе-

лая, ну прям как клюква в сахаре. Самочувствие отличное, а о том, что со мной было, – не помню ни шиша.

Старый подходит к мерзлой лавочке. Водит широкопалой ладонью по отсыревшим доскам: делает их сухими, прогретыми добродушным июльским солнцем – вызывает у предмета память о былом. Интересно, я сейчас способна на такое или нет?

– Дуся, ну что ты в облаках витаешь? Слезай на землю, сейчас циклон, все равно погоды не сделаешь, – полушутя говорит Севастьяныч. И, удостоверившись, что я жива, здорова и даже не буду его перебивать, начинает выяснять: – Давай-ка с самого начала.

– В начале было слово.

– Ну без дураков, нормально можешь? – мрачнеет Старый и осуждающе смотрит на мой сигаретный бычок. Тот начинает чахнуть на лету, терять лепестки оранжевых искр.

– А если без дураков, то я не помню половины. У Марфы территорию зачистила, сюда приехала, прибралась немного. Вроде нормально. Ну кроме алкаша одного... Там водку надо было в воду превратить, а я затупила, как первокурсница. Самое дурацкое, что понимаю, где косяк, а исправить не могу. Руки не слушаются. – Я злостно полыхаю искрами новой сигареты.

– И сейчас не слушаются? – Старый снова гасит сигарету взглядом. Ледяным. Куда хуже нынешней погодки.

– Сейчас нормально. Сами посмотрите. – Я шевелю паль-

цами так, словно пробуя расправить невидимые перчатки.

Мелькающие под фонарем белые хлопья замедляют ход, опускаются вниз плавно, как крошки на дно аквариума. В мокром воздухе проступает запах цветущих вишен.

– Неплохо, – хмыкает Старый и оживляет взглядом сигаретину, которую я до сих пор держу в руке. – А после ханурика что?

– Вот эта веселая семейка была. Бытовуха в чистом виде, ссора на почве семейных тайн. Посуду им переколотила, а они дракой увлеклись, не заметили. Требовалось прямое неличное вмешательство. Хотела в ворону сыграть, а у меня не вышло... Уже не только руки отвыкли, а вообще весь организм...

Сейчас Савва задаст вопросы, неторопливо, обстоятельно – совсем как доктор. А потом станет хорошо. И можно будет прикуривать одну сигарету от другой только потому, что мне хочется курить, а не от того, что некуда девать мелко дрожащие и почему-то насквозь ледяные руки.

– Я, когда уже вырубалась, в окне у них ворону увидела. Непростая ворона, крупная очень... Ну мирские так крылаток в полете видят... Только я ее туда не звала, понимаете? Она сама.

– Понимаю. – Савва встает с нагретой невидимым летним солнцем скамьи. Огибает подтаявшие сугробы и топает аккуратно под проблемные окна. Там уже тишина: спят мирские, нервным тяжелым сном. А Старый ходит у них под балко-

ном, задрав голову, подсчитывает чего-то, загибая пальцы. Потом несется к подъезду, тянет на себя домофонно-кодovou дверь. Она честно служит прикрытием, пока Савва Севастьянович перекидывается в тучного голубя из самых беспородных. Птица неуклюже кувыркается в воздухе, выписывает кренделя и восьмерки – кривые, неровные, словно выведенные врачом почерком на рецепте спасительного лекарства.

Голубь приземляется на нашу обжитую скамью. Топорщит крылья и начинает расплываться в воздухе – так, словно между ним и мной стремительно заработал огромный вентилятор, рубящий изображение на нечеткие куски. Я жмурюсь. А потом ощущаю на спине твердую и широкую ладонь.

– И что там было? – тихо спрашиваю я.

– Переутомилась ты. – Старый качает головой. – Сотворила фантом и вымоталась. Давай докуривай и по домам. Сейчас... служебный транспорт вызову, подброшу.

– Призрак вороны? Ясно. Зачем машина? Мне тут пешком два двора...

– Два?

– Ну восемь...

– Женская логика... – Савва Севастьянович распахивает свой куртец, вытаскивает мобильник: – Панкратов у аппарата! Минут через десять – двадцать подъезжай. Успеешь?

Кажется, я сообразила, что со мной произошло. Голодный обморок. Организм добра хочет, а усвоить его не может. Та-

кое в тяжелых условиях бывает, когда погром, обстрел, бомбежка. Или Казнь. Вот мы с Ленкой после Марфиной Казни быстро прочухались, потому что пока молодые и бодрые, а Зина, которой сейчас за сорок, сутки ведьмачила хуже контуженой: перепутала неопытного водителя с угонщиком, а чью-то тещу с квартирной воровкой...

– Дуся, может, тебе попить дать? – снова окликает меня Старый. А я не понимаю, к кому он обращается. Я уже привыкла, что в нынешней жизни меня зовут Жека или даже Женька. Савва Севастьяныч выдвигает из кармана старорежимную фляжку в обмотке из синей изоленты. В такой НЗ хорошо держать, а у Саввы там и вправду вода. Я отсюда запах чую – два зерна забей-травы, полгорсти кошковых слезок, пара капель яблоневого сока (не от фрукта, от ствола). Никакого зерничного чая, концентрата Леты и прочих препаратов, вызывающих амнезию не хуже, чем удар кирпичом по черепушке. Но все равно не стану такое пить. А то подсяду – как мирские на валерьянку или бухло. – Яблоко будешь? Свое, не парниковое...

Я протягиваю ладонь. Яблочко на вкус оказывается чистой антоновкой. Это от нервов хорошо. Что ж такое на яблоне выращивали, интересно знать? Спинной мозг?

Старый отзывается мирным пенсионерским дребезжанием.

– Ты ешь, а потом скажешь, кто тебя так подъел.

Мне со Старым, даже когда он ругается, все равно очень

интересно говорить. Это, конечно, бредятина полная, но он мне моего мужа напоминает. Того, с которым меньше всего прожила, – Саню Столярова. Иногда даже кажется, будто Сания тут рядом. Хотя Санечка, даже если бы с войны вернувшись, все равно бы уже... Он же девятьсот одиннадцатого года рождения, ему бы девяносто восемь сейчас было бы. Ну и что, кстати? А то бы я его не вытянула?! У нас раньше многие жен-мужей умудрялись держать в целости и сохранности лет до ста. А в XX веке такие вещи не срабатывали: то войны, то репрессии, то еще какой-нибудь маразм. Мы своим мирским мужьям, может, жизнь и здоровье бы продлили, да только их рядом не было: кто сидел, а кто и лежал. В лучшем случае – в братской могиле.

– Ну так что, Дуся, кому твое ведьмовство сдалось?

Яблоко уже почти кончилось, а я не знаю, что ответить.

– Холодно, Савва Севастьяныч.

– Обогрев включи, какие проблемы. А потом отвечай.

Я вглядываюсь в белесое небо. Под такое ветер плохо менть: июньская сырость или августовская морось получится. Если бы оно было звездным, я тогда июль или апрель бы вытащила, потоком теплого воздуха. Мирские такое или вообще не замечают, или думают, что опять трубу в котельной прорвало.

– Комаров не напусти, – замечает Старый.

– Савва Севастьянович, я хотела спросить, а она у меня так и будет жить все время?

– А что, так сильно мешает?

– Это я ей мешаю, по-моему. Она так смотрит, будто я ее чем-нибудь обидела.

Старый прикладывается к фляге. А потом продолжает тянуть из меня душу вместе со свежеукрепленными нервами:

– Значит, Евдокия, с ребенком ты не справляешься?

– У меня детей никогда не было. У Темки вроде племянники водятся. Но он их видит раз в год по обещанию. Если бы она маленькая была, то мы бы привыкли. А тут такая взрослая. Со своими мозгами. Савва Севастьянович, а ее нельзя никому другому отдать?

– Нельзя, – отвечает он без паузы и упреков. – Месяца два погоди, она на тебя волком перестанет смотреть.

– Точно?

– Себя в ее возрасте вспомни? – напоминает Савва Севастьянович. Бьет тихими словами по больному месту. Сто лет с гаком прошло, а вот все равно саднит моя собственная история.

– Вспомнила. Спасибо.

– Ну вот и молодец. В общем, сработаетесь вы с Анной. – Старый говорит это так, будто Аньке не восемь, а восемьдесят или хотя бы восемнадцать. – Больше ребенка девать некуда. Никому Марфина девочка даром не нужна. Иначе бы уже давно попытались удочерить.

– То есть, если не к нам с Темкой, то вообще никуда? В детдом?

– Сторожевые своих не бросают. У твоей Аньки крестная имеется... Та еще фея, между нами говоря. Напомнить, кто именно?

– Ирка-Бархат! Мамаша моей Ленки.

– Она самая. Ирина Ульяновна Субботина, она же Ираида Коновалова, если по последним мирским документам судить. А я, Дуся, по ним судить не буду, потому как мадам Ирэн сейчас в бегах. Ну или на дно так хорошо залегла, что мы ее днем с огнем не отыщем.

– А вы ищете?

– С декабря. Еще до того, как Марфу взяли.

– Тоже... судить будете?

– Тоже... Артему твоему ученичество за все грехи досталось, Спицыну несознанка, Лену дисквалифицируют на годик-полтора. Да и то скостят половину. А вот Иру-Бархат уже осудили, заочно. Знаешь, что ей впаяли, или подсказать?

– Кольцо... с камушком... как Марфе... – Я дышу кратко и сухо, словно не воздухом, а крепким табаком.

– Прямую гибель. Подозреваю, что Ира про это в курсе. И при эдаком раскладе она будет спасать свою шкуру и свою душу в первую очередь. А на чужого ребенка ей начхать, – мнется Савва Севастьянович.

Я не очень понимаю, отчего Старый так запнулся. Он, даже когда Марфу казнил, и то не дрогнул. Интересно, а я бы дрогнула? Все-таки своя сестра – это не фрицы в смоленском лесу. А Савва такой спокойный был, будто он эти Казни по

пять раз на дню творит. Хотя, может, раньше так и было? Севастьяныч же реально старше нас всех, еще до Темных времен ведьмачил и лично Контрибуцию подписывал.

– Савва Севастьяныч, а вы можете сказать, у кого Анины вещи остались? Мы тогда квартиру чистили, а куда потом это все? У нее даже маминой фотокарточки нет.

– Плохо ей на вашем казенном, да, Дусь? – кивает Савва.

– Мы спрашиваем, она молчит.

– Понятно. Мы разве вещи не к тебе отправили?

– Вы только жестянку с бумажными куклами дали. Дальше Артемка все покупал!

– Понятно. Касается Артема, кстати. Ну как он тебе?

Будь я не собой, а той же Ленкой, я бы сейчас покраснела. Но я хмыкаю.

– Двадцать два сантиметра... в смысле, мускулатура, – не могу удержаться я.

– Тоже аргумент. Крепкий, здоровый мужик, с деловой хваткой, с армейским прошлым. Понимаешь, зачем он тебе нужен?

– Меня, что ли, защищать? – ржу я. – Бредятина. Темчик – он обычный, нормальный. Просто бесчувственный. Как пень.

– Про «пня» будешь девочкам на дежурстве рассказывать. Я тебя не об этом спрашиваю.

– А про что? Ну крепкий, ну сильный... – Такое ощущение, что я сейчас перечитываю «Геометрию» Киселева с

тяжами, из выпускной программы Смольного. Задачу уже наизусть могу продекламировать, а смысла в ней не вижу. – Ну боец...

– Инстинкт сработал. Все правильно.

– Какой инстинкт?

– Профессиональный. Вот скажи мне, Озерная, кто такие Сторожевые?

– Те, кто мирских сторожит. Бережет их от всякой дряни, чтобы в гниль не скатились.

Старый хмыкает. Примерно тем же ехидным мычанием, которым мы в иные времена комментировали бредни про «кровавый гнет капиталистического режима» или там еще какой «царизм и деспотизм».

– Я тебе сейчас объясню одну вещь. Так, между нами... в Темные времена задача у Сторожевых была несколько иная. И были они не «сторожами», как ты считаешь, а «стражниками».

– Охраной?

– Войском, Дуся. Хорошим, дисциплинированным...

– Типа как в Спарте?

– И как в Спарте, и как в коммуне. Я сам уже забыл, честно говоря...

Ага, «забыл» он, как же! В жизни не поверю! Память у Старого – это полный кабздец, недавно мне промах девятьсот седьмого года припомнил, зараза! Хотя про те времена, наверное, тяжело вспоминать. Даже не про погибших и каз-

ненных своих, а про то, что ты своими же руками творил зло и считал его добром, думал, что оно – во благо.

– Савва Севастьянович, я пока не понимаю.

– Считалось, что, чем быстрее мы мирских приведем в состояние счастья... Мира, там, спокойствия...

– Типа в рай на земле?

– Да. И чем быстрее они это все прочувствуют, тем лучше будет жить нам самим.

– Ну это и сейчас так, Савва Севастьяныч. Если добро долго не делать, то начинаешь погибаться, сами знаете...

– Ну вот... А путей к этому было три. Считай, что три школы. Те самые Смотровые, Отладчики и Спутники. Назывались они очень похоже, а вот функции и цель...

– А они между собой мирно жили? Ну мы с Отладчиками? Или со Спутниками?

– Не особенно, – морщится Старый. – В общем, способы воздействия у этих направлений были очень разные. И внутренняя жизнь, уклад – тоже. Но в те времена и Отладчики, и Спутники, и еще кое-кто – от мирских не сильно прятались. Спокойно могли себе выбрать и взять тех, кого им надо: и учеников, и жен с мужьями. И чем больше мирских мы на свою сторону перетянем, тем легче мы других перебьем, а сами придем к миру и добру... Так что, Дуся, можешь считать, что это у тебя память профессии. Выбрала себе в ученики хорошего бойца, чтобы такого сразу можно было в дружину... к делу приставить...

– В какую дружину? Мы тогда что, воевали?

– А можешь считать, что это твоя женская природа заговорила. Детей рожать лучше все-таки от сильного и здорового.

– Кого? – Я с этой информацией про Темные времена сижу, как кирпичом по голове ударенная. В учебниках о таком пишут очень расплывчато... А тут Старый жаждет, чтобы я ему плодилась и размножалась, как мичуринская яблоня!

– Мне бы с Анькой разобраться, Савва Севастьяныч, а вы...

Старый вдруг встает. Медленно и с достоинством, как на поминках.

– Слышишь?

– Слышу.

Я чую начало опасности. Оно неприятное. Как металлический вкус и лекарственный запах одновременно. Как завывание сирены. «Воздушная тревога! Воздушная...» Будто и вправду бомбардировщик летит. Хотя на самом деле обычный мирской автомобиль.

Когда я это буду рассказывать, как анекдот, то ухихикаюсь до полусмерти. Вместо того чтобы вырубать ситуацию на расстоянии, я собралась тормозить клиента своим телом. Ничего другого в голову не пришло, а проблему надо решать оперативно. Если тревога воет на таком расстоянии, да еще при этом воняет тухлой рыбой, то там явно тяжкие телес-

ные...

Хорошо упакованный чувак тормознул поздним вечером тачку, сдуру продемонстрировал свою платежеспособность и теперь едет по названному адресу. Понятия не имея, что ему предложат свернуть дворами, типа «так быстрее». А потом терпила вырубится, получив чем-то тяжелым по балде. Этим способом мой Темчик двоих наших в линьку отправил.

Сейчас надо выскочить на перекресток, наперерез машине. И подставиться, чтобы у водителя все гайки в мозгах отвернуло. Чтобы, увидев меня, он бы запылал и задымился, как водичка под капотом. И сразу бы забыл про запланированное ограбление. Высадил бы несложившегося терпилу в ближайший сугроб, а сам бы поперся меня клеить.

Да, мой котик ясный? Ты меня уже чуешь? Сейчас я через тротуар просайгачу, улыбнусь из последних сил, и придет тебе полный и безоговорочный карачун. Мне бы только до тебя, гнида подзаборная, дотянуться. Чтобы у тебя через двести метров скрутило живот. Мне бы только до тебя добраться, сокол ты мой ясный недощипанный!

– Дуся, стоять!

Севастьяныч бы мне еще «Дуся, фу», скомандовал! Мало того что я со скамейки рванула, как торпеда, так еще и он за мной чешет. Пес Барбос и необыкновенный кросс, в чистом виде и без купюр! Да что ж вы меня за капюшон-то хватаете, Савва Севастьяныч? Мех дорогой, я на нашей работе на такой не заработаю!

– Савва Севастьяныч, вы окосели?

– Дуся... – свистит мне в лицо мое непосредственное начальство. – Озерная, ты сейчас по Несоответствию у меня... Ты куда полезла, идиотка?

– Так ведь уйдет?! Сав-Стьяныч, у него там пассажир и злонамерения. Вы чего?

– Не уйдет! Догоним! – весело обещает Старый и окончательно притормаживает. А у меня голова кружится так, что желтые наклейки светящихся окон превращаются в одну унылую полосу. А ведь мы со двора уже практически выбрались. Вот он, перекресточек. Прямо как родной. Мне сейчас к остановке надо. Аккурат под фонарь...

– Дуся, кому велено стоять?

– Гав! – уныло огрызаюсь я в удаляющуюся Саввину спину. Ухватываю обрывок непонятного телефонного приказа: «Через три минуты возмешь на обочине...» А дальше? Ну интересно же!

Под фонарем Старый выглядел так же нелепо, как гаечный ключ в стакане с зубными щетками. Его за пьяного можно принять: перебрал мужик, потерял координацию, теперь пытается спиной столб нащупать. То-то радости водиле: он ведь поверил, что на ближайшем повороте его ожидает неземная любовь. А вместо неопишуемой красоты извольте видеть мужика второй алкогольной свежести.

Но чувак все равно тормозит. Не от удивления, из-за аккумулятора: Старый их взглядом умеет вырубать. Я, кстати,

нет. Я в машинных внутренностях вообще не понимаю ни шиша, оттого и собиралась ловить клиента на живца.

Старый вовсю командует парадом – посылает пассажира во вторую, непонятно откуда взявшуюся машину и отправляет куда подальше. Он нового шофера хоть немного прочитать успел или нет? Или это вообще мне надо было сделать?

А я как близорукая и глухая одновременно: происходящее вижу, а эмоции плывут. Как при простуде. Ну это же мой участок, выученный наизусть, вплоть до цвета постельного белья, которое сушится на лоджиях! Наверное, Артемчик таким же недоделанным в своей глухоте себя чувствует: все вокруг говорят, а он не слышит. Как же плохо вот так, я даже не представляла...

К возвращению Старого вокруг меня дует теплый ветер. Июньский послеобеденный. От него дышать легче и толком не видно, что я плакала.

– Озерная! Ты фитиль-то прикручивай!

– Какой фитиль? Это вы про свечи зажигания?

– Нет, Дуся, это я про твою пламенную страсть.

– А что?

– Не слышишь? Совсем на своем сквозняке оглохла?

Хм... Он о чем вообще, а? Ой, мамочки... Вот это казус. Я на водителя настроилась, а потом отключиться забыла. Цветла и пахла на три ближайших дома. Народонаселению в ночи такая «Камасутра» мерещилась! Все супружеские долги уже перевыполнены, как в ударную пятилетку.

– Савва Севастьяныч, а второй водитель – наш? Это кто вообще?

– Да пока никто, – отмахивается Старый. – Вроде твоего Артемки.

– Ученик? – не верю я. За моей спиной начинает голосит припозднившийся кот, никак от моего дурного влияния отойти не может. Такого не переорешь! Старый одобрительно вслушивается в кошачьи рулады. Хотя нет, это у него уже телефон. У меня, кстати, тоже мобила трепыхается. Ну ее в баню, когда еще удастся одновременно и про работу, и про себя спокойно поговорить?

– Доехали? Ну молодец. Теперь давай обратно. Ты мне скоро понадобишься.

– Савва Севастьянович, а зачем вы сами пошли с грабителем разбираться?

– А захотелось, – хмыкает Старый. – Соскучился без происшествий, решил размяться.

– Амнезию нарисовали?

– Нет. Сделал стандартную «муху», опьянение без алкоголя. Сейчас объект врежется в автомобиль дорожно-постовой службы. Разумеется, без жертв. Права у него отнимут.

– И все? – удивляюсь я.

– Ну а как ты хотела? Наказание по размерам ошибки, не больше и не меньше.

– Не знаю, Сав-Стьяныч, – тихо признаюсь я. – Я... я бы вообще убила бы. Ну если бы мирской была. Соппротивление

при задержании, и никаких проблем. Я себя контролирую плохо сейчас. Очень плохо. Дома держусь, а тут...

– Сигарету? Платок?

– Ничего не надо. Я больше про Аньку такое просить не буду. Раз она никому не нужна. Я боюсь, что не справлюсь. Но я постараюсь, честно.

– Дуся! – Старый хлещет себя по некогда белому льняному колену. – Напустила ты все-таки комаров!

– Я хочу как вы. Чтобы за всех отвечать и ничего при этом не бояться. Научите?

– Не научу. Прости, Евдокия.

– Трудное, да? Так я справлюсь. Вы же знаете, я способная.

– Дуся, это не трудно. Это как оружие с собой носить, понимаешь?

Вот уж кто-кто, а я понимаю. Знаю о том, как в живое целиться. Или когда в тебя целятся. Делать из живого мертвое – это ведь тоже, в принципе, ведьмовство. То единственное, на которое способны мирские.

– ...как оружие. Кажется, что ты всех умнее и все можешь. А власть – это не сила и не свобода, это, наоборот, обязанность.

– А вы правда все можете, Савва Севастьянович?

– Раньше мог. Сейчас нет, – спокойно отвечает мне Старый.

– Разучились?

– Отучился. Раньше, Дуся, у нас все вс, могли. А сейчас плещемся на мелководье. Потому что дальше заплывать никак нельзя. Глубоко.

Я почему-то боюсь, что Старый сейчас нырнет в память о Темных временах. Наверное, в тот период все так изъяснялись – кивками и намеками.

– Дуся, ты прости, конечно, но до дома я тебя теперь не подброшу. Могу до подъезда проводить... Хочешь?

– Зачем? В смысле, спасибо... Вы себя тоже берегите, хорошо?

– Да уж постараюсь, – фыркает он. – Я запомнил, вы с Артемом расписались уже?

– В договоре об ученичестве? Еще нет. Руки никак не доходят.

– А надо, чтобы дошли. И как можно скорее. – Старый улыбается. Но это приказ.

* * *

Третью комнату, по привычке называемую «гостиной», всегда удлиняли перед началом собрания. Визитеров было лишь четверо, но Старый раздвинул вширь стены, приподнял покрытый мелкими трещинами потолок. Заодно увеличилась и дыра на обоях. Сделалась большой, выскочила из-за шкафа. Нехорошо.

– Цирцея!

Кошавка на полное имя не откликнулась, сделала вид, что испорченная мебелью к ней не имеет никакого отношения. Стрекотнула перьями – как веер развернула. Потом угнездилась на спинке кресла, замерла государственным орлом. И битый час просидела, не шевелясь, не мешая разговору. Только когда собравшиеся обсудили важное и принялись прощаться, крылатка, наконец, ожила. Описала вокруг люстры широкий низкий круг и вылетела в форточку, усвистала в ночное зимнее небо.

Будь на месте Старого кто другой, решил бы, что крылатая кошка обучена сыскному делу. Но это не про Цирцею. Она тоскует, хозяйку оплакивает. Старый форточку закрывать не стал: нагуляется Цирля, вернется. Постоял у запорошенного тюлем окна, а когда обернулся, гости были уже в прихожей. Обменивались рукопожатиями и краткими пожеланиями: сухо, как на планерке.

Если не знать, что от тех двоих, которые у галошницы жмутся, в свое время искры на пол-Москвы летели, то решишь, будто они друг друга первый раз в жизни видят. Ну в какой-то мере так и было: у юноши (а для Старого все они юноши, кому меньше трехсот лет) с тех времен уже две спячки прошло, да и барышня не так давно перелиняла. Успешно омолодилась, есть на чем глазу отдохнуть.

Он кашлянул для деликатности, отошел обратно в гостиную. Вытащил бумаги. Потолок вместе с люстрой чуть понизил, а стены не тронул: там шкаф-развалюха, кото-

рый в мирное время скрипит до визга. Начнешь такой среди ночи уменьшать – соседей перепугаешь. Пусть его, до утра спокойно простоит.

«По словам младшего сына обвиняемой, Субботина Ростислава Ириновича, часть аргументов в настоящий момент находится в законсервированном виде на территории:

- а) г. Москвы и Московской области,*
- б) г. Витебска и его окрестностей (ныне – Респ. Беларусь),*
- в) г. Ташкента (ныне – Респ. Узбекистан),*
- г) в пределах так называемого Института Горького (ныне – Нижегородский семейстроительный институт) и его филиалов,*
- д) кроме того могу предположить, что отдельные аргументы могут находиться на территории Второго Инкубатора (г. Ханты-Мансийск), а также на...»*

– Савва Севастьянович, вам пельмени варить? – Кто-то из девчат заглянул, окликнул.

Судя по тишине, кавалеры давно разъехались по участкам, заканчивать прерванные обходы территории. Все-таки почти форс-мажор. Хорошо, Озерная не сообразила, кто из камрадов в лихую птицу лучше всех перекидывается. И Со-не спасибо, перехватила пассажира, доставила по месту назначения в лучшем виде. Она мирская, а сегодня гололед, нешуточный. И снег плотный, лакированный почти. Под таким сложно тайники устраивать, заметно будет, что копали.

Но и тут свезло честной компании. Не заметила их Евдокия, вся в свои переживания с головой ушла. Вроде и плохо это, а вот в данной ситуации очень даже хорошо.

– Савва Севастьянович! Товарищ Панкратов!

– Да, душа моя, с сахаром носи. И лимон обязательно нарежь.

– К пельменям? – фыркнула-пропела новая жиличка.

– К чаю! – обрубил Старый и вернулся к своей писанине.

«В связи с тем, что казненная 28 декабря 2008 года Нарышкина М. П. пребывает в состоянии полной профессионально-сущностной амнезии, сообщить какую-либо информацию по интересующим нас вопросам она не может».

Цирля вернулась. Спикировала на стол, разметаив крыльями бумаги. Налопалась где-то рябины, дышит морозным и лесным. Ведь породистая крылатка, не дворовая-приблудная. А теперь чуть ли не мышкует.

Савва Севастьянович начал учесывать кошавку – под горлом, а потом и по спине, между крыльев. Шерсть тут была короткая, черная в прозелень.

– Покуролесила? Лети на кухню. Барышни тебе глинтвейн сварят, покормишься.

Цирля мрякнула басом. Пашка говорил, что крылатка порусски не всегда хорошо понимает: она ж в Израиле родилась, под Хайфой у Доры был питомник... Значит, двухязычная, если кошачьего наречия не считать.

– Цирцея, иди к девочкам. Куть-куть-куть...

Сообразила, мотнула хвостом и прыгнула со стола. Крылья поджала к бокам, когтями по паркету заклацала. Если в силуэт не сильно вглядываться, то никакой разницы. Даром мирские крылатку в полете принимают за птицу, а когда она по земле идет, и вовсе от обычной кошки не отличают. На столе поверх листков и январского номера «Артефакта» темнело три мелких перышка. Линять Цирля стала. А не рано? Надо Паше отзвонить, спросить. Вот у него к Озерной свой счет имеется, личного характера. Он не стал бы, как другие... Хотя «других» тоже можно понять: они Дуську не первую жизнь знают, она для них подруга, а местами даже сестра. А тут с одной стороны – необходимость, а с другой – предательство.

На кухне грохотнуло медным, потом звякнуло стекло: девочки глентвейн поставили. Может, для кошавки, а может, и себе. Намерзлись за сегодня, в секрете...

«Предполагаю, что Субботина И. У. может появиться в вышеперечисленных местах, в связи с чем прошу обеспечить безопасность несовершеннолетней Собакиной Анны, которая тайно обучалась у Субботиной И. У. ведьмовскому ремеслу с множеством профессиональных и педагогических нарушений».

Отсвистел чайник, отзвенела посуда, отшумел душ – дважды, по количеству Саввиных жилищек. Блочный дом: тут, сколько стены ни выворачивай, слышимость все равно пер-

восортная. Особенно по ночам звук хорошо разносится. Девчата в бывшей Пашиной комнате переговаривались перед сном, старались не хихикать и сильно не шебуршать, а Старый мог разобрать каждое слово:

– Соня! Ты посмотри, какая луна сегодня! Почти полная, только бок немного уменьшился. Как будто она из воска была и оплыла.

– Прелесть какая! – суконным голосом отозвалась Соня. – Только, ты знаешь, я спать хочу. Вырубаюсь просто. У вас всегда по ночам... вот так... дедлайны?

– Ты посмотри, действительно прелесть, а не луна. Еще петельку приделать – и на елку можно вешать... Если ЧП на обходе – то да, разное бывает, а если...

– Мамочки! Это ты... она так и будет теперь, с петелькой?

– Не бойся. Обычный зрительный эффект. Это же матрикат! Ну как отпечаток с фотографии. Если ты к окну подойдешь и луну ладошкой закроешь, она же с неба не исчезнет? Ты ее просто видеть не будешь. И тут то же самое. Понятно?

Соня не выдержала:

– А потрогать можно?

– Разумеется.

– Ух ты, качается. Теплая какая...

Савва Севастьянович улыбнулся. Молодец, девочка. Постепенно, на мелких бытовых чудесах у младшей коллеги интерес к работе вызывает. Хотя сама когда-то от ведьмовства нос воротила, не хотела свой дар принимать. Время и не та-

ких обтачивало.

А луна, кстати, не сказать чтобы замечательная, с такой не каждая работа хорошо идет. Сны, к примеру, легче купить, а вот с этим, на Беллинсгаузена, лучше подождать. Недели три так, не меньше. Уже после новолуния снова примутся. Там как раз Восьмое марта на носу, хлопот много. Дуся совсем замотается, не обратит внимания...

«14 февраля 2009 года по неустановленным причинам Озерная начала испытывать проблемы с реализацией колдовских способностей. Неизвестный вмешался в ситуацию путем ментально-физического преобразования в птицу. Озерная заметила птицу, однако опознать не смогла. 14 февраля в 01 час. 24 мин. по мск. времени я прибыл на вызов, провел реанимационные действия».

– Спишь?

– Нет, конечно.

– Ну тогда пошли, чаю попьем. Луну только верни на место.

– Соня уснула, а луна звенит. Разбудим. Погодите полчас. Луна уже сдувается. Как только лопнет, я сразу пол замету.

– Хорошо. За пельмени, кстати, спасибо. Как в Шварце у тебя дела?

– Савва Севастьянович, вы меня с Павлом не путаете? Проблем нет. Учеба идет по графику.

– А остальное – тоже по графику? Ты у нас всегда такая строгая или только при исполнении?

– А вы меня хоть раз при исполнении видели?

– Я тебя на мирской работе видел. В приемном покое и в родильном блоке. Часто в окна не заглядывал, но иногда приходилось.

– Ну и как? Довольны?

– Смотря чем. Работала ты много, на износ. На пенсию, наверное, не вышла. Сразу на тот свет, причем прямо на рабочем месте. Так?

– На ночном дежурстве.

– Ну видишь, угадал. В душу я к тебе не загляну, буду версии строить. В порядке бреда. Счастья в личной жизни у тебя с тех пор не было, а вот в общественной все сложилось. Дружинницей была. Активисткой, как раньше. Работала достойно, но как автомат. План выполняла, а сама была неживая. О себе хоть раз думала?

– А зачем?

– Понятно. О чужих бедах всегда думать легче. Значит, вкалывала ты до потери памяти и пульса. Результатом довольна?

– Была бы недовольна – не вернулась бы. – Она перестала чеканить слова. Посмотрела очень внимательно: не на Савву Севастьяновича, а на надраенный кран кухонной мойки. Ему и призналась: – Я завязать не смогла. Хуже алкоголика. Думала, что ваше... мое... что суть потом отпустит. Через

десять лет, через сорок. А она во мне сидела все это время. Мне проблемные роженицы, из патологии, на обходе рассказывали, как бутылку или шприц во сне видят. А мне они сами снились. Как я им жизнь лечу. За минуту, за две – этой травой-муравой. Понимаете? Раз я про свою суть знаю, то не надо делать вид, что ведьмовства нету. Его использовать надо. Для пользы общества. Савва Севастьянович, ведь зло – это болезнь. Его лучше лечить. Постепенно, по схеме. А не ампутировать, как...

– Как Афонька тогда сделал?

– Как опухоль. Сперва облучать, убирать дурное. А только потом резать, объясняя, что делаешь. Спасать мирских, а не...

– Логично. Понял. Вопросов больше не имею. А у тебя вопросы есть?

– Почему вы меня для этого дела выбрали? Это за то, что я бездействовала? Если надо искупить вину трудом, то, сами понимаете, я готова. Или вам нужны какие-то мои личные качества? У вас в подчинении вся Москва, а в знакомых – все Сторожевые, наверное. А вы берете практически девочку с улицы и...

– Ты со мной так разговариваешь, будто в больнице прием ведешь. Привыкла командовать, правда?

– Люблю, чтобы все по инструкции было. Или по закону.

– Ну вот поэтому я тебя и пригласил. Мне свежая голова нужна. Причем внимательная, знающая, как и что долж-

но быть по инструкции. Мы двести лет в одном жульене варимся, надоели друг другу до свинячьего визга. А ты чужак. И про то, кто против кого дружит, не в курсе. Очень удобно.

– Извините, что перебиваю, Савва Севастьянович. Но ведь у Озерной есть точно такой же чужак. Муж. То есть вам надо мной силы уравновесить?

– Любопытная версия. Но, что касается тебя, то есть еще один довод. У тебя больше родных не было, но вот, скажем, кого-то из коллег никогда не оперировала?

– Я поняла, что вы имеете в виду. Я могу смотреть на ситуацию объективно. Примерно как вы на мирских. Без сантиментов.

– Правильно. Только смотреть будешь не на одну Озерную, а на всех нас. Хочешь, недостатки ищи, хочешь – достоинства. Мы тебе как пациенты будем. Наблюдай. Следи за курсом лечения и соблюдением режима. Нравится аналогия?

– Неплохо. Савва Севастьянович, а работать мне с группой или отдельно?

– В общей связке. Но докладывать – лично мне. И еще, имей в виду: клятву на камнях, на тему секретности, я с тебя брать не стану, но...

– Так сильно доверяете? Извините, что перебила.

– Нет. Тебе болтать не с кем, ты сама не доверяешь никому, ни мне, ни себе. Характер ежиный. Или я ошибся, и у тебя подружки есть?

– У меня есть коллеги. Курс в Шварце. Соседи. Этого до-

статочно?

– Вполне.

– Я могу приступать?

– Ты можешь чаю попить, а то остыл уже. И держи яблочко... Это гольден, он не седативный, наоборот, как стимулятор действует. Запомни: если яблоко творишь, а оно с красными полосками получается, как анисовка, в нем кофеина много. А если гольден или ренет Симиренко, то там танины, по эффекту воздействия на чай похоже.

16 февраля 2009 года, понедельник

К девятому классу вас стало двенадцать.

Всех звали по прозвищам – это закон.

Был Клюква. Был Змей (он умел целоваться).

Был Веник, Матрешка и Витька-Гиббон.

Подъездные прерии – метр на четыре.

Дружили с продленки. Бухали с утра.

Домой с дискача на бровях приходили.

И ты им, конечно, была как сестра.

Но все же смирились: «Да, твой – классный парень».

И Веник на свадьбе свидетелем был.

А Клюква, который играл на гитаре,

Заныкался в ванной, но бритву забыл.

Асфальт переложен. Фонарь перевешен.
На месте беседки растут гаражи.
Пространство вдруг стало скучнее и меньше.
Сдувается жизнь. Продолжается жизнь.

У жизни – три зуба, пинетки и соска.
Детсадовский утренник, коклюш, фингал.
Случайные встречи. Дурные вопросы.
«Женился». «Уехал». «Куда-то пропал».

«Ты все хорошеешь». «Угу, плюс пятнадцать,
Прости, мне в сберкассе». «Ну ладно, пока».
У глаз вдруг морщины. Во рту вдруг пластмасса.
Из кофточки шири выпирают бока.

Футбол не досмотрен, бульон не доварен.
От старой косухи воняет котом.
«Ты помнишь, как Клюква лабал на гитаре?»
«Кто? Клюква? Так он же разбился потом».

Пятнадцать лет вместе: «Какая там свадьба,
Стеклянная?» «По хрен, давай побыстрей».
Вы мчитесь ползком по окопу кровати,
Пока ваш наследник тусит во дворе.

Выходите вместе. Хотели на рынок.
Но вот забрели. Так, минутный порыв.
Подъездный навес прочно занят другими.

Они вас, увы, называют на «вы».

Они не боятся ни Бога, ни черта,
Ни жизни, ни завуча. Бреют усы.
Сын Машки Твардовской – для них просто Твердый,
А Серый-с-гитарой – ваш собственный сын.

«Вам место на кухне». Молчит, но все слышно.
Их юность спасает надежной броней
От страха быть старым, ненужным и лишним.
Ну что ему скажешь? «Сережа, домой».

21.09.10

– Женья, а сколько мне лет должно исполниться, чтобы
имя на другое поменять?

– Где-то восемьдесят. Если естественным путем.

– А если я ждать не хочу?

– Э-э-э... – Вот тебе и раз. Анечка умереть раньше времени решила? – У тебя там все нормально? Тебе кто-то что-то сказал?

– Ты.

Обычно, когда Анька мне из своего лица звонит, там такой гвалт, что не только голоса, но и эмоции через мобильник выплескиваются. А сейчас тишина. Стерильная, как в Марфином районе.

– Тебе еще рано про такое думать! Когда станешь старенькой, то...

– Почему рано? Мне мое имя надоело, хочу быть Алисой!

Ты мне поможешь?

– Ты где вообще?

– В туалете. Я отпросилась с урока, чтобы никто не мешал говорить. Вот, слышишь? – И Анютка вполне аргументированно спускает воду в унитазе. – Я хочу быть Алисой!

– Вырастешь, будешь Алисой, какие твои годы!

– Мне до четырнадцати еще шесть лет ждать. Ну смени! Ты же мне папу в документы вписала?

Я, как овца последняя, решила, что ребенок про выбор имени после обновления спрашивает, а она хочет, чтобы я в свидетельство о рождении правку внесла. Мы Анютке документы слегка меняли. В качестве матери там Марфа стоит, я исправлять не стала, а вот Артемчика официальным Анькиным папой заделала, благо в бумаге прочерк.

– Анют, давай мы с тобой дома все обсудим? Иди на урок, ладно?

– Ну тебе что, жалко, да?

– Мне... Ань, ты на уроках учиться должна, между прочим!

– А я пятерку уже получила, а потом тебе звонить пошла! Жень, а ты с той тетенькой, у которой мамина фотография есть, уже встретилась?

– С ке... А, с этой знакомой? Сегодня встречу, обязательно!

– Ну ладно! Ты обещала!

Телефон отключается и снова оживает. Ну что там у нас теперь? Может, Анютка еще что-нибудь поменять решила? Свою фамилию на Артемкину, к примеру? Знаешь, деточка, а давай ты сразу Артемидой назовешься? Так сказать, для полного комплекта...

– Ань, ты чего еще хочешь?

– Это не Аня, это Лена. У меня тут Клаксон орет, ничего не слышно! Ни-че-го!

Клаксон – это Ленкин крылатик. Породистый. Впрочем, Ленка над своим кошачьим безобразием трепещет, потому что это Доркин подарок. Дора Ленуське этого котенка на омоложение подарила, а сама погибла через несколько дней.

– Брысь! – ору я в мембрану, чтобы до Ленкиного кошака, наконец, дошло. – Клаксон, зараза такая! Приеду – все перья из тебя повыдергиваю!

Вот говорила я девчонкам, надо было эту хрень крылатую Навуходоносором назвать, раз уж там по родословной кликуха на «Н» требовалась. Так уперлись, написали, что он у нас «Нью Рашн». Теперь Ленка от него и огребает.

– Брысь! – Подействовало-таки: вместо мява в трубку слышно человеческий голос. Шипящий, осуждающий.

– Дуся, – укоризненно выдыхает Ленка. – Он же знает, что я нервничаю.

– Ну молодец, Клаксон, молодец... На пару истерить куда веселее, правда? Я вообще не понимаю, зачем ты крылатку завела. Взяла бы мирскую кошку, они хоть в ухо не каркают.

Ленка обиженно молчит, а потом откликается слегка дрожащим голосом:

– Мирские тоже каркать умеют, только их слышно плохо. А крылатка не разобьется никогда, даже если в окно... С большой высоты.

У Лены осенью кошка погибла. Самая обыкновенная, серая, старая уже. Выпала из форточки. Ленка ее похоронила и в тот же день линять начала.

– Прости, пожалуйста!

– Ничего. Мне сегодня извещение пришло! Ты знаешь, его крылатка принесла. Такая седая, старенькая совсем, а летает хорошо.

– В Конторе крылатки вообще по полвека служат... – виновато говорю я.

– Она на Клаксошку рывкнула, он даже занавеску драть перестал.

– Угу... – Я слышу, как рядом с Ленкой подвывает ее несчастный Клаксон. Крылатки эмоции считают лучше, чем мы сами. – Сегодня суд, да?

– Сегодня. В полвосьмого вечера, Дусь.

– Если ночью из Москвы вышлют, мы тебя с Темкой на вокзал закинем, – сразу решаю я. – У тебя чемодан нормальный есть? Пакуй манатки и ни о чем не думай!

Возле Марфиного подъезда опять кто-то хозяйничал! Подлатал аккумулятор у антикварной «волжанки» да рас-

клинил замок на входной двери. Пустячок, а тревожно. А я в упор не помню, похоже это на почерк недавнего визитера или нет. Вроде у кого-то из камрадов такой стиль борьбы с мелким злом...

Лифт поднимается на последний этаж, а я так и не придумала, что сейчас буду изображать. Кстати, лифт до сих пор чистый: Марфа два месяца назад перестала быть ведьмой, а в подъезде у нее прилично. Никаких матерных ругательств на стенках, одни сердечки и признания. Пусть глупенькие, фанатские, а все равно любовь в доме.

Марфа открывает дверь, не спрашивая, «кто там». А я начинаю ощупывать сумочку – в поисках шоколада для Анютки. Сразу не сообразила, что девочка теперь у меня живет.

– Привет, – улыбается Марфа.

У нее и лицо привычное, и глаза, и тембр голоса. А жесты, походка – свеженькие. Как у хорошей актрисы, которая вошла в новую роль по самые уши. Я, когда актрисой была, так в образ бандерши вживалась. И в Бабу-ягу из новогодней сказки. Специально разных бабулек присматривала – в транспорте, в парке, в какой-нибудь очереди за апельсинами, смотрела пластику. Тогда вообще очень удобно было персонажей в очередях искать.

– Какими судьбами? – Марфа выдает шлепанцы, чмокает в щеку и недоумевает – потому что знает меня много лет, а имя почему-то выскочило из головы. Интересно, за кого она меня сейчас приняла?

– Э-э... К маме заходила! – стремительно бухаю я.

Вообще, Импровизация – ведьмовство дико сложное. Актерский опыт тоже сильно выручает. Сейчас Марфа (Маринка она!) меня вспоминать начнет. Тут одна тонкость: что я Маринке скажу, в то она и поверит. Скажу, что я двоюродная сестра, – вспомнит всех наших родственников. Сообщу, что мы соседки по даче, – начнет думать, что себе из рассады попросить. Вот я несуществующую маму придумала – а у Марфы сразу глаза заблестели. Помнит она мою выдуманную маменьку, любит ее безмерно:

– Ты ей от меня привет передала? Пошли в кухню!

Все, меня вспомнили. Жаль, что я пока не знаю, кем я Марфе прихожусь. Она тоже не сильно в курсе, кто я такая, а потому мы с ней начинаем якобы непринужденно расспрашивать друг друга:

– А ты все там же работаешь?

– Угу.

– У твоих все нормально?

– Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Живы-здоровы. А ты?

– И у меня все хорошо... – расцветает Маринка. – Ты знаешь, я, кажется, влюбилась...

– Поздравляю! – жизнерадостно барабаню я, вырুলывая из коридора в шлепанцах общественного пользования.

Кухня у Марфы изменилась, причем очень сильно. Без ремонта или перестановок, просто теперь здесь другой человек живет. В доме стало уютнее. Никаких следов ведьмовства,

зато самобытно. Марфа ведь никакущая была, а эта Маринка – распустеха, немножко дурочка, но с нормальной, широкой душой. Все-таки у Старого даже Казнь удачно проходит – мог Марфу в каргу превратить, а сделал порядочным человеком.

– ...познакомились на остановке автобусной. Но это же неважно, правда?

– Разумеется. – Я незаметно стряхиваю крошки с табурета. А Марфа трепещет чайником (уже потускневшим и в потеках заварки), шебуршит содержимым холодильника и тараторит о своем быстротечном, стрекозином счастье:

– ...и хозяйственный. Ну не знаю, я же и сама все могу сделать, но знаешь, так приятно, когда сидишь за столом, как королева, а за тобой ухаживают!

– Ага. Марф... Мара, я за тебя так рада на самом деле!

– Ой, ты сейчас смеяться будешь! Я когда одна сплю, мне кошмарные сны снятся. А он на ночь остается и...

– И там уже не до кошмаров, ага? – медленно подыгрываю я. Это не сны, а настоящие воспоминания о Марфиной прошлой жизни. Или даже всех жизнях. Ведьмовская суть, похороненная заживо, пытается до нее, не слышащей, докричаться. Чем старше будет становиться бывшая Марфа – тем сильнее ей жить захочется. Организм посопротивляется напоследок. Долго. Очень долго. И в этом полустарческом забытии ей многие вещи мерещиться начнут. Вплоть до крылатых кошек...

– Тебе с сахаром или без сахара, я не помню?

– Как всегда, две ложки, – вру я. Я в чай кладу мед. И коньяка пару капель.

– Ой, чего-то у меня это из головы вылетело, прости... Ты знаешь, я с Нового года нормальный чай пить разучилась. Категорически просто. Все время в него хочется какой-нибудь травки добавить. Мята или зверобоя.

– А ты каркаде попробуй! – мрачно советую я, прихлебывая поило с кучей цветочных отдушек. Тоже прошлое отдается – у нас в заварку чего только не сыпают: и забей-траву, и кошкины слезки. Еще бывает зерничный чай, им память промывают. Маринка про такие вещи не помнит. А организм по старой памяти своего требует.

– А про своих-то расскажи, а то я все треплюсь и треплюсь... – Марфа устраивается напротив меня с пестрой кружкой в руках. Несерьезная вещь. Мне сложно представить, чтобы у настоящей Марфы такое водилось в хозяйстве.

Нет у меня сейчас сил и желания придумывать несуществующих мирских. Хотя на самом деле я очень люблю Импровизацию. Она на детскую игру похожа. Когда хватаешь ближайшую куклу, награждаешь ее новым прозвищем и функциями и быстро включаешь в сюжет: «А давай к ним потом приехала бабушка?»

– У вас все нормально?

– Абсолютно, – обреченно рассказываю я. – Мой балбес третью неделю в завязке, вчера вообще всю зарплату мне от-

дал.

– Молодец, – грустнеет Марфа, искреннее жалея меня, живущую с пьющим мужем.

– У паразита нашего все тоже хорошо, скоро в колледже восстановится. Главное, чтобы под призыв не попал, – гоню я дальше. – В общем, все более-менее... – Я никак не могу повернуть голову, отвести взгляд от перстня на Марфиной правой руке. То самое кольцо с алмазом, которым Старый венчал ведьму со смертью.

– Ты тоже заметила? Слушай, это просто чудо какое-то. Вроде оно мне по наследству от прабабки перешло. Я его теперь вообще не снимаю. Как надела – прямо сразу все поперло, ты представляешь! И сплю в нем, и в бассейн хожу!

Я прекрасно представляю, в чем тут секрет: кольцо невозможно снять. Оно в Марфу вплавилось до такой степени, что в голову не придет с ним расстаться. Оно с пальца никогда не будет соскальзывать, ни один вор его не заметит никогда в жизни. Разве что потом, когда Марфа совсем умрет, наверное, можно будет попробовать. Хотя я про это точно не помню. Надо у Старого при случае спросить. Или у Ленки... Ой, Ленка! Я же сейчас в суд опоздаю!

– Прости, у меня на самом деле времени в обрез. Я буквально на секунду забежала. Ты в фотиках разбираешься? А то достала сегодня, а там то ли вспышка барахлит, то ли он сам разряжается, я не пойму.

– А у него зарядник какой? Давай к моему попробуем

прикрутить, вдруг подпитается? – искренне сочувствует мне незнакомая мирская женщина Маринка.

Я пробую. Несусь в прихожую и выгребаю из сумочки цифровую «мыльницу».

– Марина, я закурю?

– Да не вопрос! – Марфа мечет на стол новехонькую пепельницу – из Туниса или из Египта. Вынимает пачку разноцветных, как детские мелки, сигарет. Их на этой кухне курила бывшая невеста, трогательная смертница Соня, мой персональный, личный косяк. Я кашляю, не успев затянуться, а потом неловко протягиваю Марфе «мыльницу». И чуть не дотрагиваюсь до кольца. Оно мне никакой беды не сделает, но все равно не могу. Столбенею.

– Вроде нормальная вспышка. – Марфа-Маринка крутит фотоаппаратик в руках, тыкает поочередно в кнопочки. – А вот это кто?

– Точно нормальная? – Я приподнимаюсь с табуретки и наконец-то подхожу к бывшей Марфе вплотную. Она же покойница, чего ее бояться. – Ну давай ты меня щелкнешь, сейчас проверим.

– Лучше я тебя. – Я не сразу, но протягиваю руку.

– Сейчас отдам. А это кто?

Марфа отлистала последний кадр. Артемчик фотик с собой брал, когда они с Анькой в торговый центр ездили ей школьное приданое покупать. В кадре горшок с искусственной, криво растущей пальмой, и Анька с сахарной ватой в

лапах.

– Это? Анютка. – Я не соображу, как блокировку памяти ставить. Вот совсем. Как в кошмарном сне, когда сидишь за рулем грузовика и он сейчас в пропасть рухнет или по льду его на встречную вынесет. И если нажмешь на педаль тормоза, то спасешься. А нажать – никак. Где у меня тормоз?

– Классная выросла, – осторожно улыбается Марфа. – Ты извини, я вспомнить не могу, она тебе кто, племянница?

– Приемная дочка. – Я забираю фотоаппарат. Напрямую, ладонью из ладони. И делаю первый снимок.

* * *

Цирля разлеглась на диване, растопырила крылья, посмотрела на гостя внимательно и мрякнула чего-то себе под нос. Может, поздоровалась, а может, и обругала. Старый почесал крылатку за ухом, потом переспросил:

– Значит, не вспомнила? А познакомился ты с ней как?

– Подошел на остановке, попросил прикурить, потом слово за слово...

Гость прислушался к приглушенному женскому пению в два голоса – это барышни на кухне прибирались.

– Мры? – Цирля шевельнула раздраженно левым крылом.

– Напросился домой, купил шампанского, остался на ночь. Дождался, когда Марфа уснет, и по квартире прошелся. Потом она во сне закричала. Пришлось... прерваться.

– Бывает, – кивнул Старый. Цирля глаза зажмурила, как от удовольствия.

– Ей кошмар приснился, тяжелый. Я отвел.

– Кошмар по нашей части, да? – уже не так сухо спросил Старый.

– Дети. Оба. Сперва Марк, потом Аня... Она их во сне помнила.

– Фантомная боль. Кольцо сознательную память блокирует, а со снами посложнее. Если интересно, возьми учебник Мюллера, там подробно. – Поднялся с дивана, шагнул к книжному шкафу. Начал перебирать пожелтевшие тонкие брошюрки и пухлые тома с размочаленными от старости корешками. Цирля, оставшись на диване в одиночестве, неодобрительно мявкнула.

– Спасибо. – Гость принял книгу с потрепанной обложкой, раскрыл на середине, потом захлопнул. – Насколько я понимаю, ей дальше будет... легче?

– У воспоминаний суть одинаковая, что у простых, что у купированных. Если специально в мозгах не крутить, они со временем поблекнут. А специально крутить она не может, не фиксируется на них...

– И хорошо, – медленно отозвался гость, барабанив пальцами по обложке. – Савва Севастьянович, я, честно говоря... предполагал. Но, когда вживую увидел...

– Противно было или любопытно?

– Добить захотелось, чтобы не мучилась. А потом она

проснулась. Не помнит ничего, и уже опять все хорошо.

– «А поутру она проснулась...»

Цирля еле слышно муркнула, попадая в ноты. Старый вернулся на диван. Гость сидел напротив, в кресле:

– Так что кухню и детск... вторую комнату я проверил, то, что нашлось, изъяс...

– А с остальными помещениями что? Она тебя ждет вечером?

– Так точно, приеду и проверю. В первую очередь санузел.

– Значит, наведишь ее сегодня, остальное посмотришь, а перед уходом дашь ржавой воды. стакан, не меньше. Чтобы она тебя не вспомнила, если вдруг еще увидит.

– Некрасиво вот так, втихую. Как клофелинщик. Будто решил квартиру обчистить.

– Обчищают – это когда у хозяина его собственность берут. А Марфа себе не хозяйка, спрашивать ее не о чем. Мирским наши инструменты без надобности. И спроси, пожалуйста, кто к ней сегодня в гости заскакивал и по какому поводу, хорошо?

– Так Озерная же была, вы знаете. – Гость выпрямился, смахнул с подлокотника учебник, потом срочно поднял его с пола.

– Это мы с тобой знаем, что Озерная. А Марфа ее не помнит. Выясни, кем Дуська нашей барышне представлялась. О чем они говорили, что делали. Как прояснишь ситуацию – сразу ржавой водичкой угощай. – Крылатка прищурилась,

отвернула голову. Не иначе не разделяла мнение Старого относительно способов проведения допроса. – Жалеешь, что на это согласился?

– А я не соглашался. Вариантов не было, – почему-то обрадовался гость. – У меня статус зыбкий. Если по мирской терминологии, то я сын врага народа. И брат, к тому же. В такой ситуации вам отказать – дороже выйдет.

– Допустим. Хотя насчет «брата» ты загнул. Я был на суде. Срок у Лены маленький, дали два года, хотя могли и пять. Присяжные ей сочувствовали. Я бы на твоём месте так сильно за репутацию не беспокоился. Это ей надо переживать, что у нее есть родственники с таким темным прошлым. А она за тебя волнуется. Просила приглядеть. Так что не ты на меня работаешь, а я за тобой присматриваю. Так легче?

В прихожей, проследив за тем, как учебник Мюллера исчезает в недрах кожаного рюкзака, Савва Севастьянович улыбнулся:

– Ты близко все не принимай. Считай, что это практика, как в Шварце бывает.

– Там много чего бывает, – строптиво отозвался гость, – особенно на преобразованиях. Можно и возраст поменять, и пол, и копыта отрастить с рогами...

– Рога нам без надобности.

Цирля вышла в прихожую, только когда за гостем захлопнулась вытертая, обитая рыжим дерматином дверь. В нескольких местах сквозь прорехи в обивке высывались

клочки связавшейся ваты. Посмотрев на работу лап своих, кошавка мягкнула, а потом расправила крылья, взлетела наверх, ближе к полочке для шляп. Там еще оставался кусок целых, неизодранных обоев.

* * *

Ленка, привет!

Извини, что вчера не перезвонила. У меня в подъезде молодожены начали лаяться. Я под их дверью стояла полчаса и тушила скандал. Вручную! Я какая-то тухлая стала, раньше бы через пять этажей все решила, не выходя из квартиры.

Вообще не представляла раньше, как мирские тетки с детьми могут дома сидеть. С одной стороны, со скуки опускаешь — дни одинаковые, как пододеяльники. А с другой — дел до фигища, я даже волосы ведьмовством крашу, на парикмахершу времени нет. Хорошо, что Анька взрослая. Будь она младенцем — я бы уже удавилась.

Анька из школы таскает пятерки, я хвалю. А нашему она не хочет учиться. Я не знаю, может, у нее ведьмовство с матерью ассоциируется, и поэтому она так тупит. Стараюсь не злиться, но выходит не очень.

На участках хрен знает что. Я тебе рассказывала про чужие следы? Вчера и сегодня снова появились. Причем на Марфиной территории и у меня. Одинаковые, тютелька в тютельку. Старый сказал, чтобы я в Контору не обращалась, а

то меня штрафанут за то, что кто-то исправляет мои косяки. Обещал, что сам уладит.

С ученичеством у Темки не получается. То ли я плохой препод, то ли он этого не хочет. Мне кажется, ему сложно принять, что он в нашем мире теперь работает, т. е. как на стороне врага. Наверное, мозги нереально перестроить, чтобы себя предателем не считать. Я не знаю, как ему сказать про это.

Сил нет ни на что. Мирские в таких случаях ссылаются на авитаминоз. Лечить надо шоппингом. У Темки на работе с деньгами пока еще не труба, но оч. похоже (кажется, он попал на бабки, а от меня скрывает). Так что сижу и испытываю резкий дефицит новых туфель в организме.

Как ты там устроилась? Если чего-то надо привезти или прислать, скажи, я придумаю оказию. Ленка, я понимаю, что тебе про ведьмовство, наверное, неудобно думать. Я вообще не представляю, как это, когда ведьмовать хочется, а нельзя. Савва сказал, что тебе срок скостят наполовину, скорее всего. Так что через год уже будем снова прыгать. Помни об этом и не кисни, пожалуйста. Оч. тебя люблю.

Фотка вышивки прикольная. Если ты ее не бросила – щелкни еще. Я, правда, не оч. разобралась, что там изображено. Тыква или кошка?

Гунька до сих пор в Нижнем кукует? Почему ему диплом завернули? Там в комиссии козлы или это Севастьяныч свинью подкладывает? Краем уха слышала, что Старый

с Гунькой разругался в лоскуты из-за темы диплома и ориентации (профессиональной). У Севастьяныча про такое не спросишь, неудобно. Ты можешь Пашку развести на разговор? Не знаю, обрадуешься или нет, но Сеньку-Стрижа вообще запупырили на пять лет. Куда – не знаю, но могу узнать, если оч. хочешь.

Привет Клаксону. Надеюсь, у него все ок. Передай ему, что, если будет хулиганить и тебя не слушаться, я приеду и ему перья повыщипываю.

Целую нежно, твоя Дуська-Гадюка

С уважением, Евгения Шереметьева

6 марта 2009 года, пятница

Не колыбельная

Лето. Безденежье. Пыльные заросли.
Тень на полметра от детской коляски.
Белый асфальт распоролся от старости.
Липнет к ногам тополиная смазка.

Книжка в поддоне. Закладка из листика.
Тянется время к обеду и бедности.
Старая яблоня. Тень на пол-личика
Детского. Спящего. С челкою медною.

Только не плакать. Ни хором, ни в розницу.

Палец сжимается детскими пальцами.
Губы искусаны – больно дотронуться.
Громко не плакать. Опять просыпается.

10.02.05

На кухонном подоконнике в граненом стакане расцвел квадратный корень. Все три недели, с того момента, как я его из дома бывшей Марфы забрала, он делал вид, что у нас не приживается, и распускаться не собирался! А тут, здрасте пожалуйста – два цветка и пять бутонов, один другого прозрачнее.

Он, бедолага, с самого Нового года у Марфы без всякой поливки и любви незамеченным прожил, весь помутнел, скукожился, грани стер... Мы после Казни квартиру зачищали наспех, вот и проворонили его! А когда я в гости пришла и в ванную сунулась руки помыть, цветок ко мне из-под стиральной машины сам выкатился.

Квадратный корень можно найти во многих мирских квартирах. Он хорошо прячется: запнется под шкаф или ножку дивана, сольется с ней, перекрасив свою прозрачность в цвет плитуса, и лежит спокойно. Но если его вовремя не найти, то застекленеет намертво.

Высушенный квадратный корень внешне напоминает графинную пробку. А в цвету он прекрасен и величав. Каждый бутон – как подвеска хрустальной люстры. Даже звенит, если подуть. Через пару дней цветы еще и пахнуть начнут – каждый хрустальный бутончик своим запахом. Нежным, как

духи в маленьком флаконе.

Цветок качнулся упругим маятником, распустил прозрачные лепестки по ободку стакана и замер, отражая всей своей сутью синие мартовские сумерки, с нарочито крупными, будто второпях нарезанными снежинками. Красавец, умница моя, цветы дальше...

Я в кухню из ванной выскочила в одном полотенце: Аня же у нас вообще не кричит. Чаше смотрит так, что листки отрывного календаря сами в трубочку сворачиваются. В общем, я фиг знает чего себе навоображала. Испугалась. А тут всего-навсего квадратный корень зацвел не в срок. Твою же мать!

Я сегодня и без того на взводе: ночью поедем с Темкой в институт Шварца, ученичество регистрировать. На семь – девять лет, как в среднестатистическом неудачном браке. Или это за убийство с отягчающими теперь столько дают?

Главное, на Аньку сейчас не наорать. Ребенок меня порадовать хотел. Она этот несчастный цветок сама отогревала. Уж не знаю, почему: то ли догадалась, откуда я его приволокла, то ли просто цветы любит.

– Ну посмотри скорее! – Анютка почти подпрыгивает у подоконника. Не хуже, чем балеринка у станка. Спина прямая, а волосы убраны не двумя крысиными хвостами, а вполне профессиональным пучком.

– Женька, ну ты видишь? Видишь, да?

– Молодец, мерзавец. Отлично расцвел. Ань, ты прическу

новую сделала? Тебе идет!

– В праздник надо быть красивой, – высокомерно заявляет мне эта мамзель и поджимает губы недовольным бутоном.

– Да ты понимаешь, ученичество – это не сильно радостная вещь. Ее не принято отмечать.

– Почему? – Анька смотрит – как бормашиной сверлит. Хорошая Отладчица за такой взгляд много чего бы отдала. Я не знаю, кем Аня хочет стать, но я бы ее все-таки в Смотровые не стала определять.

– Потому что в ученики берут неурожденных... Знаешь, что такое «урожденный»? – морщусь я, забывая про то, что курить хочется. Мне интересно что-нибудь Аньке объяснять. Если бы еще практику можно было поставить! Хоть на крошечное, самое бытовое ведьмовство? Хотя, может, у нас квадратный корень не сам по себе распустился, а Анюткиными стараниями? Я бы спросила, но не стану. Хочу верить, что наша... что Аня все-таки умеет работу работать, просто мне не показывает.

– Ну? – Анька поворачивается ко мне спиной и начинает шебуршать в холодильнике. Сейчас выгребет оттуда болгарский перец и плавленый сыр, напластает их на горбушку черного хлеба и сгрызет под мою болтовню. А потом ужинать не будет, паразитка!

– Вот мы, Сторожевые, пока первую жизнь живем, то прикидываем, кем нам быть: Смотровым, Отладчиком. И можем всю первую жизнь выбирать, не торопиться. А в учени-

ки идут только мирские. Иногда добровольно.

Я запинаясь. Обычно сами мирские такой судьбы себе не особенно хотят, но другого выхода нет. Это вроде программы защиты свидетелей: увидел человек нечто, что ему не полагалось, или полез, куда не надо. Ему можно промыть память, взять в ученики, либо... А в Темные времена нежелательных свидетелей ликвидировали преждевременной естественной смертью. При тогдашней технике безопасности это легко было. Вот интересно, мы бы могли мирских убирать, если бы нам такое разрешили? А вообще, чисто теоретически, что можно чувствовать, когда зло творишь? Такой же приход, как при добром ведьмовстве, или, наоборот, что-то вроде ломки или похмелья?

– Ну ты уснула, что ли?

– Я не уснула, я курить хочу...

– Ну кури! – морщится Анька. – Форточку свою нарисуй и кури.

Я черчу в воздухе прямоугольник. Это «форточка» называется. Через нее неприятные запахи и сигаретный дым уходят. Такую игрушку хорошо вешать в плацкартном вагоне. Или в лифте с утра пораньше, когда там духи с перегаром смешиваются. Ой! Все-таки дура я: надо было Анютке предложить, пускай бы сама воздух освежила.

– Короче, когда мирской становится учеником, у него жизнь очень сильно меняется. Как будто одна заканчивается, а другая начинается.

– Он при этом умирает? – интересуется Анька, размазывая по следующему ломтю плавленый сыр.

– Нет, ну что ты! Это как... Ну не знаю, как замуж, например, выйти, – осторожничаю я. Про «замуж» детке вроде рано.

– Ага, я поняла. Это как у меня. Жизнь – раз! – и изменилась. А я живу.

– Ну да. – Я поглаживаю столешницу. Аньку бы надо гладить, если по-хорошему. Обнять там или к себе прижать, но... Она из-под моей руки всегда выскользывает. Сперва застывает на секунду, как ледяная делается, а потом утекает водой.

– Сперва я была маленькая и ходила в садик. Это раз. А потом я пошла в школу, и в ней стало все по-другому. Это было два. А теперь я хожу в новую школу, и в ней тоже по-другому. Я никуда не умирала, а у меня целых три жизни уже!

– Вот с учениками все то же самое. Поэтому имей в виду, что ни я, ни папа, никто сегодня ничего такого не будет отмечать. И поздравлять его не надо. Пожалуйста.

– А при чем тут папа? Он что, девочка? Восьмое марта – это женский праздник!

Мать честная! Детка вообще про сегодняшнюю ночь ничего не знала! Она мирское торжество имела в виду, то, которое послезавтра. А я взяла и ей сдуру брякнула про все наши сегодняшние расклады. Ну молодца я, ничего не ска-

жешь!

– Восьмое марта будет послезавтра! – тараторю я. – Если ты хочешь, мы с тобой его отметим. Можем, я не знаю, куда-нибудь сходить. В «Детский мир» хочешь? Ты наденешь красивое платье, я тоже что-нибудь надену, мы возьмем папу и...

– Хорошо, – серьезно кивает Аня. Мою скомканную тягомотину про учеников она с интересом слушала, а вот про праздник ей скучно.

– Женька, у нас в лицее завтра концерт. Ты помнишь? Начало в двенадцать! Я тебе дневник показывала!

Ну показывала. Я сперва чуть дуба не дала: потому как, когда я в Смольном училась, у нас оценки по двенадцатибалльной шкале выставлялись. И эти Анькины четверки с пятерками для нас тогдашних – позор и катастрофа. В общем, Артемчик дневник подписывает. На нашу образовательную реформу у меня никаких нервов не хватит.

– Жень, я у тебя книжку взяла почитать. – Анька снова мажет себе бутерброд. И куда в нее все только лезет, она же тощая, как ножка у торшера! – «Княжну Джаваху».

– Она с ятями! Ты не поймешь! – Я мысленно костерю себя за раздолбайство: незачем держать сберегательную книжку на самом видном месте! Нам сейчас аванс по пятым числам выдают, а я в Чарскую со вчерашнего утра не заглядывала. – Анют, ты только не удивляйся, но в ней могут появиться деньги.

– Уже появились. Там было семь тысяч пятьсот рублей.

Ну так и есть, аванс начислили. Как всегда, без премиальных.

– Женька, можно я их себе оставляю? У меня еще никогда столько не было. – И Анютка приседает в настоящем, глубоком реверансе. Ничуть не хуже, чем в Смольном.

Дверь моей комнаты щелкает сухо и ловко, как курок. Я сную от окна к кровати и обратно, обходя узор на ковре. Там желтые пятна и лиловые ромбы. На ромбы наступать можно, они похожи на тротуарную плитку. На пятна – нет. Эта почти игра. Как будто, если я собоюсь с собственного следа, меня затянет, как в болото, в тяжелый сырой страх. В тот, от которого во рту появляется вкус гнилой воды, а руки деревенеют – словно я долго пыталась выбраться на сушу. Я гоняю в голове одни и те же мысли. Это как перед собственной свадьбой и собственными похоронами одновременно. Ученичество. Не смертельный, но все равно приговор.

В полдесятого в институте Шварца начинаются лекции у ночного отделения. Деканат и ректорат открываются тогда же. Лучше приехать сразу, чтобы не мучиться. Не передумать.

Я много чего могу, у меня профессия такая. И опыт нехилый – сто двадцать два года как один день. Плюс полтора месяца неловкой жизни, кое-как замаскированной под обычную семейную. Я умею разводить руками чужую боль и со-

седскую беду, могу развернуть руль чьей-то машины на замеченном шоссе, находясь чуть ли не в километре от них обоих. Меня научили смотреть на бытовые проблемы с высоты птичьего полета и принимать серьезные печали довольно близко к сердцу – на расстоянии вытянутой руки. У меня защищенная категория, три благодарности от Конторы и хорошие показатели по району. Я боюсь разговаривать с восьмилетней девочкой, которая живет со мной в одной квартире. Я не знаю, имею ли я право брать в ученики человека, который по документам считается моим официальным мужем.

– Папа на работе. Отправьте ему смс! – звучит за стеной Анькин голос. – Жень!

– Я сплю! – Я зачем-то забираюсь в неубранную с утра кровать.

– Женька спит! – эхом вторят за стеной.

Наверное, Темкина мама опять звонит. Если я не подпишу ученичество, то Темка снова заживет мирской жизнью. Память ему почистят там же, в Шварце. А на меня навесят штраф, лишат благодеяний... Он же моим любовником был, хорошим, забавным и заботливым. Но временным, сезонным. А сейчас вот получается, что надолго. Такой семейный опыт, больше похожий на тюремный срок.

– Я еще что-нибудь папе могу передать, хотите? Ну ладно. А вы знаете, что мне сегодня на уроке поставили пять, потому что я быстрее всех остальных все решила? – Анькин голос похож на маленькую, звонкую, очень неотвратимую дрель.

Ювелирную.

Если бы она называла Темку Темкой, все было бы гораздо легче. Это, кажется, единственный вопрос, который мы с ним еще не обсуждали. Все остальное проговорено.

У нас теперь такие долгие дурацкие ночи – на унылом кухонном диванчике. Не мебель, а символ быта, о который разбивается среднестатистическая любовная лодка. Здесь мы проговариваем пачки сигарет, литры кофе и бутылки вискаря. Мы знаем друг о друге дикое количество вещей и понятия не имеем, как жить дальше.

– Женька, ты спишь?

– Сплю!

– Женька, блузку не забудь погладить! И чашки свои у меня в комнате не оставляй больше никогда! Понятно?

– Никогда! – огрызаюсь я, вместо того чтобы выпалить: «Да катись ты лесом!»

Если бы не Анька, все было бы в пятьсот миллионов раз легче.

У клавиатуры дурацкие кнопки. Если набирать текст быстро, то часть букв обязательно не пропечатается. Будто комп чувствует, что я волнуюсь, и глотает слова вместе со мной.

«Тмчик, ты там кк?»

«Все ок», – выплывает ответ в окошке скайпа. Тут еще сбоку камера и микрофон с динамиком. Но их я врубаю, только когда вызваниваю Ленку из ее ссылки. С глухим Тем-

чиком такой вариант не прокатит. Поэтому письменно. Не разговариваем, а показания даем. Шлем друг другу шифровки.

На экране беззвучно течет московское время: семнадцать часов тридцать семь минут.

«Темчик. Есть вопрос».

«Спрашивай».

В довесок мне приходит смайл – желтая мордочка с прищуренным глазом. Я не люблю эти значки. Вечное подмигивание, неумолимое биение игрушечного сердца. Как сигналы в космос. Мы окончим разговор, а где-то в бесконечном Интернет-пространстве зависнут эти неотвратимо жизнерадостные или пожизненно рыдающие рожицы, которых никто никогда не увидит. Мне за них страшно – как за игрушечный кораблик, отправленный в море, «аж до самого горизонта». Со словами все то же самое.

«Темчик, двай расстанемся». Я вбиваю пропущенную «а» в слово «давай», а потом удаляю сообщение, вместо того чтобы отправить.

«Тема, я тебя лю». Снова стираю, даже не дописав.

«Мне страшнннно». Ага, так страшно, что аж пальцы дрожат и выбивают лишнее.

«Артем».

«Что, Женя». Он откликается сразу. Без вопросительного знака. Без интонаций. Он теперь часто говорит без интонаций, видимо из-за глухоты.

Можно просто свернуть диалог и ничего не объяснять. Скажу, что уснула.

Снова смайл. Желтая рожа в черных очках и с автоматом в крошечных лапах.

«Темка, ты охтился на ведьм. Ты же мог меня убить. Почему ты этого не сделал?» Набиваю фразу и на ощупь тянусь к сигаретам – будто боюсь, что без моего присмотра сообщение отправится само по себе. Закуриваю и удаляю.

Табак крошится во рту, фильтр обиженно тлеет.

Это та правда, которую я не хочу знать: почему Зайцев Артем Викторович, тысяча девятьсот семьдесят четвертого года рождения, прописка московская, вероисповедание православное, школьное прозвище Скиф, рост сто восемьдесят семь сантиметров, телосложение плотное, на шее родинка с левой стороны... Почему взрослый, вменяемый и, в принципе, вполне добродушный человек три месяца назад своими руками убивал женщин и мужчин? И детей, в принципе, тоже – Гуньке тогда на вид шестнадцать было.

Мне на вид было двадцать пять, он забирал меня с работы и привозил вот в эту квартиру, дарил катехизисно шипастые букеты роз и поил приторным, похожим на ледяной мармелад, шампанским.

Он караулил в темном углу, он выслеживал и оглушал со спины.

Он носил с собой зажигалку и пропитанную бензином тряпку.

Он целовал меня в макушку и кормил с ладони мягким сыром.

Он подстраховывал девицу, которая чуть не удушила Аньку бусами, а теперь отвозит Аньку по утрам в лицей и покупает ей платья, глянцевого журналы и дурацкие брелоки.

Он стрелял в упор серебряными пулями – только для того, чтобы понять, где и как мы будем воскрешать жертву.

Я называю этого человека «Темчик» и реально каждый вечер жду его домой с работы. Как правило – еще и с ужином наперевес.

«Артем. Почему тебя зовут Скиф? Ты не похож на кочевника».

«Это марка велика. Такой складной по типу „Камы“. На них все в детстве гоняли, помнишь? У тебя какой был».

«Дореволюционные марки вспомнить не могу. Вроде Руссобалт. В 1924 у меня был Харьков, потом Пионер, кажется. После войны я на трофейном ездила, названия не помню. А Скиф – это хорошо. Тольк мне на Салюте удобнее было, хотя там сидушка жестче».

«Ух ты! А у тебя красные катафоты были?»

Московское время семнадцать часов сорок одна минута. Темка придет в восемь. Надо к его приходу заварить чай – черный, без всякой травы. По-мирскому.

«Нет, белые и оранжевые».

Я все-таки ставлю смайл в конце ответа.

Бывают такие яркие сны, про которые забываешь сразу, как тебя разбудят. Остается лишь солнечное ощущение, теплый след в воспоминаниях, на вкус напоминающий молочную ириску, втихая схомяченную под одеялом. Именно это я сейчас и чувствую – нежную сладость на языке, чувство свободы во всем остальном организме. Жаль только, что такая красотища длится секунды полторы – до повторного воя телефонной сирены.

– Алло? – сиплю я, вглядываясь в окружающие сумерки. Опять в койке вырубилась. На экране ноута все следы преступления: там прыгают три разномастных вопросительных смайла от Темчика и мое лаконичное «мсссчччччччччччччччччч» – во сне ладонью на клавиши нажала.

– Дуська, есть пара минут? – интересуется женский голос. Невнятно, но вполне благовоспитанно мычу в ответ.

– Ты дома сейчас?

– Дома. Сплю.

Девятый час вечера, нехило я так задрыхла. У меня же Темчик! Ужин! Обход на два района! Блузка Анькина! Целебная маска на морду! И платье надо выбрать на сегодняшнюю ночь – чтобы строго, но при этом сногшибательно.

– Спасибо, что разбудила! – говорю я непонятно кому.

– Дуська, у меня свинарник на участке, третьей будешь?
Свидетелей не хватает, Старый сказал, чтобы тебе...

Я шарахаюсь от собственного моби́льника, кошу́сь на

экран. «Танька Р.», то есть – Рыжая.

– Дусь, адрес запоминай, – категорично рубит Татьяна. – Едешь туда, где я живу... в той жизни жила, но выходишь из последнего вагона, потом налево и направо.

Мы с Танькой с осени не виделись, она за это время успела перелинять, причем внепланово, как раз по Темкиной вине. Характер, естественно, ни фига не изменился: конспираторшей была, конспираторшей и возродилась. Имена, адреса, явки и прочие пароли по телефону ни за какие коврижки не озвучит. Зря, что ли, Рыжую в свое время трижды арестовывали за шпионаж и один раз расстреляли как врага народа.

– ...большой серый дом, там перейдешь дорогу... А вообще, лучше в собаку перекинься. Как из метро выйдешь, то сразу унюхаешь, домчишь за пять минут.

Ужин, блузка, питательная маска... Вот сейчас все брошу и помчусь на другой конец Москвы леший знает с какой целью!

– Сюда уже крысы конторские мчат. Жми! – Рыжая отключается.

Хваткая она баба. Там, где другие будут молоть чепуху и сеять вечное добро, Рыжая просчитает ситуацию на семь шагов вперед. Опыт сказывается, неповторимый лагерный.

Я включаю свет и начинаю метаться – строго по инструкции. Пыль. Тлен. Плесень. Травки разные. Документы на район. Помада, сигареты. Горсть мертвой ягоды вероники, проездной. Мобильник. Мирской паспорт, кошелек. Нераз-

менные рубли. Сумку уложить как следует, чтобы ничего не вылетело и не помялось, когда буду перекидываться в собаку. Лучше ту серую замшевую взять, у нее два кармана на молнии.

Выскакиваю за сумкой. И замираю: в Анькиной комнате неторопливо звучат голоса.

– А Вадик пошел Инне Павловне жаловаться, а она ему не поверила и у меня спросила: «Аня, это правда?»

– Угу.

– Пап, а ты знаешь, что потом было?

– Угу.

– А вот и не знаешь. Потому что Инна Павловна сказала, что мы оба неправы...

Я подкрадываюсь к детской: Анютка на визг петель не обращает никакого внимания, а Темчик оборачивается – заметил, как ручка шевельнулась. Он, как оглох, сразу такой наблюдательный стал. И хозяйственный: наша мадемуазель сидит в кресле, распластав на коленях мою книжку, а Темчик рядом топорщится – с утюгом наперевес. Интересно, откуда в доме взялась гладильная доска?

– Женька, а ты зачем проснулась? Я папу уже ужином накормила – я ему хлопья с молоком сделала, а папа мне тортик принес!

По-моему, Анька еле сдерживается, чтобы не показать мне язык. Темчик внимательно смотрит на утюг и переключает на нем какую-то кнопку. Над доской немедленно воз-

никает облачко пара. Это ни разу не ведьмовство, а спецэффект с термоподогревом. Я в таких вещах никогда не разбиралась.

– Передай папе, что я поехала на работу! – чеканю я.

Ключи от квартиры, перчатки, фляжка ржавой воды. Молодильное яблоко. Лучше даже два. Что у Таньки стряслось? Судя по голосу, неприятное, но любопытное. Именно под таким предлогом меня легче всего выманить из дому. Если вернусь до одиннадцати, то зайду в универсам, у нас зубная паста заканчивается. Если вообще не вернусь – они справятся без меня. Бумажные салфетки, пудреница, набор осиновых колышков.

Пока я – в собачьем обличье – мчалась от нужной станции метро по продиктованному маршруту, к подушечкам лап налип снег. И теперь, после обратной переброски, сапоги у меня забрызганы целиком и полностью. На пальто тоже какие-то бурые разводы и сомнительные пятна – словно машина из лужи окатила. Надо было сперва отряхнуться, а уже потом принимать человеческий вид.

– Над карманом еще грязюка! – сообщает вместо приветствия Рыжая, не вставая со скамейки.

Я ее по запаху легко вычислила: домчалась до нужного двора, разглядела нахохленный силуэт у ворот типовой школы-«самолетика».

– Ворот застегни, а то горло торчит. Я задубела вся.

– А конторские где?

– За Табельным полетели. Аргумент-то отрицательный, – хмыкает Татьяна, поднимая воротник толстой черной куртки.

Хороший куртец, от приличной фирмы, теплый. Только на Таньке он смотрится как ватник. Особенно в сочетании с высокими армейскими ботинками и темным беретом на коротких волосах.

– Обновилась нормально? – Я прекращаю безнадежную борьбу с грязью.

– Как огурчик. Мне Кот мозги новые поставил, свежей закваски, хожу вся такая умная, даже не знаю, зачем мне такое счастье. – Танька уморительно чешет в затылке, прямо сквозь берет. – Курить будешь?

– Буду.

Я не удивлюсь, если Рыжая до сих пор дымит «Беломором», в ее мужиковато-военный стиль такое вписывается. Однако из кармана псевдотелогрейки выпархивает узенькая пачка дамского курева, пахнущего больше духами, чем дымом. Снег возле скамейки утыкан похожими бычками – не иначе Таня смолит по две сигареты подряд, от одной ей никотина мало.

– Старый приехал, заценил бодягу, велел конторских звать. Ну заодно в бланке расписался. – Танькино непривычно молодое лицо хмурится, делается суровым, как у советской героической статуи. – Уничтожать-то при трех свидете-

лях можно, а в протоколе пятеро должны быть. Я тебя сдержала, Ленке звоню, а она, оказывается, в Нижнем.

– Два года дали, – поясняю я.

– Это разве срок? Ну я спросила, кто теперь у Ленки на участке работает, она дела передавала, должна знать – кому. Позвонила этой Тамаре, вроде нормальная. Приехала, закорючку поставила и упорхнула. Район свежий, типа ей обжиться надо.

– Понятно... – кривлюсь я.

Может, неизвестная Смотровая по имени Тамара – вполне вменяемая барышня. Просто Ленка мне подруга, а потому я к ее сменщице не могу объективно относиться. Любая ведьма на новом участке первые вечера безотлучно сидит, старается не уезжать далеко. Какие могут быть претензии? А все равно злюсь.

– А твоя малая как? – Танька встает со скамейки, начинает постукивать ботинками. – Я с ней в Инкубаторе общалась, забавная деваха.

– Анютка? – Я не сразу соотношу эти характеристики с Анькиной вечно недовольной мордочкой. – Ну... ничего так.

– По матери скучает?

– Вроде да. – После того как Анька получила фотографию Марфы, больше мы на эту тему не заговаривали.

– Бедолага. Дусь, ты ей привет передавай, от тети Таты. Может, помнит еще меня.

– Передам... – За последний час я благополучно забыла

об Анькином существовании. И о том, что я на нее и Тем-
чика обиделась.

– Тань, а где свинарник-то?

– А ты чего, сама не чувствуешь? – Татьяна кивает на огромный сугроб, наметенный между школьным забором и ближайшим гаражом. – Там все, внутри...

Начинаю всматриваться в ничем не примечательный снежный завал. Вон сигаретная пачка из него торчит, билеты автобусные. Внутри обломки детского совочка спрятались и какая-то маленькая пластиковая игрушка – не машинка и не солдатик. Больше похоже на капсулку из шоколадного яйца, с сюрпризом внутри. Еще в сугробе под слоями снега таятся две размокшие карамельки и рваный гондон. Все.

– Хороший сугроб – ни шприцов, ни бутылок.

– Мастерство не проспичь! – Танька самодовольно качает головой. – А я второй месяц категорию подтвердить не могу, аттестат куда-то пролюбился. Теперь хожу то в Шварца, то в Контору, восстанавливаю. Пока не восстановлю, зарплату не поднимут.

– Жуть какая! – отзываюсь я, не сводя глаз с сугроба.

Танька же мне явно не про фантики хотела сказать. Тут еще что-то есть: опасное, требующее особого вмешательства. Ибо под термином «свинарник» у нас подразумевают именно не сильно приятные явления, нарушающие порядок и спокойствие на территории.

– Тань, так это что... аргумент?

– А ты как думала? Крылатки тут зря, по-твоему, пасутся?

Во дворе и по ту сторону школьного забора слишком уж активно шныряют тени. Я в снегу штук пять насчитала и еще трех на ближайшей березе. А главная кошавка – черная, крупная, почти круглая из-за теплого меха – щурится на меня с крыши гаража. Чирикает что-то возмущенное, встряхивая роскошные крылья. В снег мелкими брызгами оседают темно-зеленые перышки.

– Цирля?

– А кто еще? Старый ее с собой привез, а она обратно в машину не полезла. В крышу впечаталась и сидит. Севастьяныч сказал, что сама потом домой вернется.

– Куть-куть... – От меня еще собакой до сих пор пахнет, Цирля вряд ли подойдет. – А я думала, Гунька крылатку с собой забрал. Он с ней разговаривать мог.

– Да леший их со Старым разберет. – Танька пожимает плечами – словно сигнал подает. Крылатки раздражаются одинаковым, надсадным и протяжным мявом.

Сугроб меняется на глазах – так, словно на него выплеснули ведро горячей воды. Снежная неровная корка проваливается, растворяется в дрожащем жарком воздухе, во все стороны летят колючие льдинки, мелкие брызги и даже крошечные пузырьки. Сквозь островки снега проглядывает земля – мокрая, липкая, словно вскопанная лопатой. Будто здесь взорвали круглую клумбу, диаметром полметра. Или открыли канализационный люк, а под крышкой обнаружился

засыпанный сточный колодец.

Я присаживаюсь на корточки, всматриваюсь в жирно блестящую землю. В центре проталины лежит голубая пластмассовая расческа. Банальный гребешок на длинной ручке. Двух зубцов не хватает, на кромке процарапаны какие-то мелкие буквы. А сбоку цена выбита – «11 коп». И пентаграммка – советский знак качества.

– Мать моя женщина! Тань, это оно?

– Мряяяяяя! Мряяяяяя!

– Оно самое. Руки! Без конторских не надо. – Меня пере-
хватывают за запястье.

Угрюмый кошачий мям звучит пронзительно и строго – почти костельным хором. Как «Аве, Мария» или даже что-то зауспокойное.

– Замолчали живо! – Таня показывает ближайшей крылатке немаленьких размеров кулак. – Цирля, уйми своих мамзелей...

– Мееееее... Мрууууу... – огрызается Цирля, слетая с крыши гаража.

Теперь бывший сугроб окружен крылатыми кошками: они скребут лапами оплывающий снег, топорщат мех и перья, нетерпеливо порхают, огибая по воздуху проталину так, словно она накрыта огромным прозрачным стаканом. Сквозь нежданно весенние запахи пробивается другой, сильный и тревожный – немного ацетонный, немного прогорклый.

Расческа светлеет, становится желто-прозрачной. Оттиснутый ценник рассасывается, рукоятка вытягивается, на ней проклевывается стилизованный рыбий хвост. По пластмассе неспешно бегут трещинки, превращающиеся в простенький узор. На месте отломанных зубцов вырастают новые.

– Ручка! Смотри, опять! – Расческа снова меняет размеры и длину. Крылатки уже не мечутся, они сидят вокруг проталины и ласково урчат, чуя подступающее тепло.

Меня обдает жаром – будто рядом что-то бесшумно взорвалось. Снова сработал аргумент, началось следующее преобразование.

Расческа стала серебряной – вычурной, украшенной затейливой резьбой. Недостающий зубчик проклюнулся на своем месте. На длинной ручке можно разглядеть тщательно отчеканенный сюжет – дуб в цепях, русалку на ветвях, усатую кошачью голову.

– Мряу, мряу, мяяяя!

– Мама...

– Дуська, руки убрала, урою! – На моих плечах две крупные ладони. – Не трогай!

Я падаю на бок, в сырой снег. Лекарственно-гаражный запах усиливается, в нем можно различить спирт и керосин и что-то вязкое, гниловатое. Так пахнет застоявшаяся вода в вазах с цветами.

– Мрээээ... мяяяя... мяяур!

– Цыц! – орет мне в ухо Татьяна.

А я ведь молчу. Я просто пытаюсь продвинуться вперед, дотронуться до аргумента, своими руками почувствовать, как он снова сменит форму, цвет, материал...

– Сгоришь же! Там сто градусов, как в кипятке! – Танька Рыжая сама тянется все ближе.

– Я в перчатках!

– Ты овца!

– Мьяяяр! Мьяя... Каррр!

– Темнеть начал, смотри скорее!

– Обе в сторону! Быстро! Ползком! – сквозь кошачий вой и наш шепот пробивается еще один голос. Громкий, твердый. – Быстрее, я сказал!

Меня – и вцепившуюся мне в плечи Таньку – пробуют куда-то утянуть. А мне не надо, чтобы меня трогали, мне не хочется чувствовать этот дурацкий мокрый снег. Я сейчас не здесь и не с вами.

Я маленькая, мне восемь лет. Мне тепло и уютно, и жар не машинным маслом пахнет, а печеными яблоками, горячим шоколадом и кренделем с сахарной пудрой. А еще – мамиными духами, фиалковыми, в таком высоком флакончике синего стекла, она мне его обещала отдать, когда я вырасту, и ленты мне надушить тоже обещала.

Ваш снег – неправильный и липкий, он забивается в рот и лезет в уши. Мой снег – хороший, добрый. Он летит в темноте, подсвеченной уличными керосиновыми фонарями. А я

стою у окна, на цыпочках, прижав нос к заиндевелому стеклу. Я проскребла себе маленькое окошечко и теперь в него подглядываю. А за спиной тяжелая портьера, темно-зеленая с золотой каемкой, бархатная, на ощупь – почти как мой игрушечный мишка. Портьера держит запахи. И поэтому мне в лицо морозом и зимой пахнет, а в спину – вкусным, сказочным, домашним – пирогами с капустой и вареньем, которые на каждые праздники печет кухарка Луша. Сегодня Рождество, поэтому теплый запах сильнее обычного, это он забивается мне в нос и щекочет лицо. Он, только он. А не этот ваш снег! И говорит со мной сейчас мама, зовет меня так, как никто никогда больше не звал – ни в замужествах, ни в Шварце, ни в жизни нынешней. Меня тогда звали Долли, тихо и ласково, раскатывая нежное «эль» трелью колокольчика...

– Нахлебалась!

– Опоздал!

– Готова! Вырубается сейчас...

По щекам течет растаявший снег и елозят незнакомые пальцы, снуют от висков к подбородку и обратно. Зачем так? Мама никогда такого не делала... Мне. Плохо. Мама...

Зубы ритмично постукивают о край жестяной кружки-крышки – у конторского Отладчика оказался с собой термос. А там – горячий чай, с лимоном и капелюшкой коньяка. Не зерничный, а черный байховый. Я сижу на облюбованной

Танькой скамейке, обхватив обеими ладонями теплую жесть. Впереди темнеют аттракционы детской площадки – горка, карусель и скрипучие, мягко покачивающиеся в темноте качели. В том дворе, где я три недели назад потеряла сознание, кроме этого всего была еще песочница с навесом-грибком. Остальное – без изменений. Та же дурацкая слабость в руках. Тот же вкус мокрой ваты во рту. Тот же похмельный озноб. Только теперь меня еще и тошнит. Докатилась. Допрыгалась. Трясу башкой и пробую подняться. Сидящая рядом Танька отнимает у меня кружку:

– Не трепещи, все нормуль уже.

Я оборачиваюсь. За нашими спинами медленно и очень мирно стелется жиденький белый пар. У развороченного, забрызганного чем-то темным сугроба стоит парень в оранжевой спецовке. Это Отладчик-Табельщик Серега по прозвищу Король, младший брат Гришки Мышкина, того, который единственный из всех российских Сторожевых прозвища не носит. В руках у Сереги огромный фонарь, на голове – строительная каска. Если кто из мирских глянет в окно, примет Мышкина за аварийного водопроводчика, который в срочном порядке чинит прорванную трубу. А порхающих над его головой крылаток мирские точно видят как стаю ворон. Ну если в мокрой темноте кто-то сможет разглядеть такое количество черных кошек.

Рыжая звонко ставит термос на край скамьи:

– Давай руками шевели, согнуть попробуй.

Я дрыгаю конечностями, бездарно изображаю огромного комара-карамору. Танька довольна результатом:

– О, молодчага! Перед глазами ничего не двоится?

– Нет.

– Теперь вставай. Ножками, ножками... Не бойсь, здесь все свои.

Земля подрагивает – так, словно неподалеку включили молчаливую асфальтодробилку.

Я цепляюсь ладонью за подставленный Танькин локоть, послушно марширую от скамейки до детских качелей и обратно, потом снова усаживаюсь, так, чтобы было видно Серегу и неожиданно образовавшуюся возле гаража траншею.

– Это... чего? – Я не сразу вспоминаю нужные слова. Вроде на русском говорю, а вот фразу без запинки произнести не получается: – Какое? Кто?

– Аргумент вскрылся, – тихо и немного торжественно отзывается Татьяна.

При свете аварийного белого фонаря у нее почти детское лицо. Если бы не сощуренные глаза, то на маску было бы похоже.

– Девочки, спички есть? – кричит Мышкин, спрыгивая в траншею. Она глубокая – Серега провалился почти по плечи.

– Зажигалку дать могу! – отвечает Танька.

– Спасибо, не надо! Мне сухое дерево нужно!

– У меня колышки есть в сумке! Осиновые! – Слова встали на свое место, а голова перестала ныть. Танька с моей сум-

кой наперевес быстро шагает к свету фонаря. Мышкин подсвечивает себе факелом, сделанным из осинового колышка. Огонь подрагивает в остатках отступающего белого пара.

– Всему району внушила, что трубу прорвало. А будут возбухать – еще и запах от канализации приделаю.

– Тань, что это было?

– С тобой – передоз, ты эмоций нахваталась, а аргумент – все, разрядился в пепел.

– Красиво было?

– Я не видела. Серега тебя в сторону поволок, я за ним, а тут и рвануло.

– Расческа рванула?

– Копилка.

– Кто?

– Ну расческа, расческа. Аргумент такой. Она на воспоминаниях работает. Выдергивает положительные, лакирует их – так, чтобы только хорошие помнить...

– А, la tirelire!² – слабо радуюсь я. – Я их со времен Шварца не видела.

– Ну вот, расческа сдетонировала, тебя задело слегонца, потому что не хрен было руки к ней тянуть. Она же чует, когда ее хотят.

– Да?

– Балда, – ехидно отзывается Танька. – Ну как, вспомнила детство золотое?

² Копилка (фр.).

– Ага. Дом мамин на Малой Морской, я там родилась. Как я Рождества ждала. И маму... До запаха прямо. – Я сильно затыгиваюсь.

– Счастливая, – вздыхает Танька. – А я только по верхам, две свадьбы и некролог про Сталина. Будто другой радости в жизни не было.

– Извини. – Я виновато глажу Таньку по черному плечу пуховика.

– Да ты чего? У тебя доза больше была, поэтому так и приложило...

Я лезу в сумку за сигаретной пачкой, цепляюсь пальцами за телефон – на экране три неотвеченных вызова и значок-конвертик. Звонки от Аньки, смс, наверное, от Темки. Забеспокоились! А вот не буду отвечать. Сами без меня ужинайте дальше.

– Тань, чайку дай? – командует Мышкин, выбираясь из своей чертовой ямы.

Рыжая звенит термосом, выпускает наружу пряный запах. Мне сейчас легко, настроение беззаботное – как взаправду в детстве.

– Танюша! Как лимоном пахнет! Как будто весной! Знаешь, я вообще заметила, что все праздники пахнут фруктами! И времена года! Весна лимоном! А зима мандаринами и еще арбузом! Потому что свежий снег – он как арбуз! Скрипит так же! И ты по нему идешь и как будто корочку режешь! Только она не зеленая – а белая! Я вообще считаю, что нуж-

но вывести новый сорт арбузов, с белой мякотью! Чтобы они росли зимой и...

Рыжая... Нет, прямо-таки Рыженькая Танюшечка медленно-медленно кивает, а потом очень осторожно встает со скамьи, пропадает куда-то. А на ее место так же плавно оседает Серега Король – мягко приземляется, словно новогодняя снежинка. И говорит беззвучное, рот разевает – как рыба в аквариуме. Голоса у него нет. А у меня воздуха нет, мы же сейчас под водой, правильно? Тут так мягко и хорошо, только вот клонит в теплый сон, в котором елочный запах, портьера зеленая, теплые пироги...

– Дуся? Не спать!

Я глотаю смесь заварки и коньяка. Потом тру лицо снегом – срочно вытряхиваюсь из опасного, увлекательного, такого страшного сна. Отрицательный аргумент, прежде чем разрядиться и рассыпаться в прах, успел в последний раз сработать, затянуть в лучшие воспоминания. Меня едва не заставили жить прошлым!

У Сереги Короля есть служебный транспорт. Грузовая «газель». Новая, покрашенная в сиреневый цвет. На боках кружевные надписи «пирожные», «свежая выпечка», «торты». Правда, внутри – ни разу не кондитерские изделия, сейф с кучей ячеек, переносная химлаборатория и даже холодильник с пророщенными яблочными плодами.

– Мадемуазель Евдокия! – Передо мной распахивается

дверь кабины. Я киваю и остаюсь на месте, наспех объясняя Таньке:

– ...но мужа все-таки больше. Анька его «папой» зовет, прямо с первого дня...

– Так ты замужем сейчас? Поздравляю.

– А я тебя с обновлением поздравляю, а то забыла! – Я тянусь, чтобы чмокнуть ее в щеку. Танюха протягивает мне ладонь для рукопожатия.

– Поздравишь еще. Я как на первый волос буду проставляться, так и...

– А ты еще не... – Я кошусь на сидящего за рулем Короля. Тот отворачивается.

– Как-то не пришлось. Дуська, а твой у тебя какой?

– Мирской, – медлю с ответом, не зная, как объяснить Таньке, что я сейчас замужем за тем самым человеком, который убил ее три месяца назад.

– Это понятно. Я говорю – какой по счету?

– Седьмой, наверное, если по паспорту. А если по любви, то... второй?

А вот и муж, легок на помине: в мобильнике дребезжит очередное послание. Сяду в машину, там прочту.

– Ладно, Дуська, удачи. Малбй привет передай. А вообще в гости заезжайте. У меня тут парк на территории, погуляем. Там два кота живут, полудомашние.

– Да ты что?

– Барышни, время! – негромко покашливает Серега.

– Да откуда же в парке, посреди города, и кóты? Тань, ты не шутишь?

– Не приучена, – вздыхает Танька. – Видимо, кто-то из соседей оставил. У меня район веселый, сама знаешь: три Спутника, пять Отладчиков. И хоть бы одна собака дальше своего дома убиралась. В подъездах у себя порядок навели – ну и все, типа дальше им не нужно. Хотя Ростя иногда помогает.

– Субботин? – Я никак не могу вспомнить прозвище Лениного брата.

– Он самый. У него тут девушка живет, он к ней переехал, перед зимним солнышком. Сам замкóвым работает, у Третьяковки, но там работа – не бей лежачего. Я вот думаю...

– Девочки! Без вас уеду! – хмурится Король.

– Сержик, извини, пожалуйста! Я Танюшу с прошлой жизни не видела.

– Да хоть с прошлого века! Я при исполнении!

– Ну все, сажусь уже, не злись... – Я умудрилась чмокнуть нашу суровую Татьяну в щеку.

– Ладно, Дуська, жду. Звони-пиши! – Танька остается на бровке тротуара, готовится махать вслед.

– «А дельфины скромные... а дельфины черные...» – у Мышкина в машине мурлычет добрая детская песня. Совсем как у Темки, хотя тот их для Аньки ставит, а Серега для себя, потому что у него характер легкий.

– Пристегивайся, сейчас домчим. – Король на секунду пе-

рестает подпевать звонким голосам, потом опять подхватывает: – «...Только тот, кто в сказку верит...»

Мы в нее не верим, мы ее реализовываем согласно инструкциям и штатному расписанию.

– Дуся, пока не пристегнешься, никуда не поеду. – Все они, Отладчики, такие правильные.

– Уже. – Я подхватываю ремень безопасности, звонко втыкаю его в гнездо.

Кажется, Серега говорит мне что-то одобрительное. Я не слышу. У меня в руках телефон. Там пять неотвеченных вызовов и шесть смс-ок.

«Женя, ты скоро вернешься?»

«Женя, мы очень ждем!»

«Жень, Аньке плохо, приезжай срочно!»

«С тобой все в порядке?»

«Сними трубку. Нужна помощь».

«Женя, я без тебя не справляюсь!»

Отправитель всех шести – «Артем». Звонила мне «Анька».

– Сейчас через МКАД рванем, через полчаса дома будешь. – Серега чует мой нервяк.

Я нажимаю кнопку вызова. Или Анька трубку снимет, или Темчик. Татьяна беззвучно что-то кричит и машет ладонью. Со школьной крыши стремительно поднимается легкая и очень крупная кошачья тень – это Цирля решила вернуться домой, к Старому. Она летит быстро, но мы от нее почти

не отстаем.

* * *

Цирля верещала в мембрану так раздраженно, будто вместо телефона напротив находился посторонний кошка, которого следовало немедленно вытурить из квартиры.

– Мясур? – отзывались из телефона. – Мрямра?

– Мя? – переспросила крылатка, усаживаясь на столе в позе фаянсовой копилки.

– Мряяяя... – ответил Цирлин собеседник. – Савва Севастьянович, она говорит, что на этом все, дальше Озерная домой уехала, на Отладчике. В смысле на машине Отладчика.

– Я понял. – Старый торопливо стучал по клавиатуре ноутбука. – А спроси у нее, Паша... – Савва Севастьянович помедлил, подбирая формулировку. – Не согласится ли она слетать в еще одно место и там кое-что поискать?

– Секунду. – Паша вздохнул так, что на линии возникли помехи. – Сейчас переведу. Мр? Мряяяяя?

Цирля рывкнула разъяренно, повела крыльями. На столешницу мягко опали три перышка. Два Старый смахнул в корзинку для мусора, одно стал крутить в пальцах – до тех пор, пока кошачье завывание в динамике не сменилось на обычную речь:

– Мээээ. Савва Севастьянович, она смысла в этом не видит.

– Понятно. Спасибо.

Цирля обернулась на стрекот клавиатуры, сверкнула желтыми глазами, потом прищурилась. Снова каркнула в телефон.

– В общем, Евдокия Ольговна на аргумент очень сильно повелась. Он на нее подействовал как на мирскую. Передоз был похожий. Она чего, в линьку впадает?

Савва Севастьянович заметил, что у Пашки, даже когда он по-человечески говорит, голос тягучий, с кошачьей хрипотцой. Так и не поймешь: то ли это синдром переводчика, хорошо перенимающего произношение собеседника, то ли он дурака валяет.

– Гуня, – Старый специально вспомнил Пашкино детское прозвище, ввернул его к месту.

– Да? – протяжно мурлыкнули в трубке.

– Цирля перьями везде сорит. Все у нее в порядке?

Паша снова перешел на кошачий. Обменялся с Цирцеей парой мявов.

– Это возрастное, Савва Севастьянович. Ей сейчас сорок пять, пожилая уже.

– Да вижу я, что не котенок.

– Это, если по мирским меркам сравнивать, лет восемьдесят, – теперь Пашка не мурчал. – А еще она по Доре сильно скучает. Она не говорила, я так знаю.

Савва протянул руку, попробовал погладить Цирлю по холке. Крылатка недовольно фыркнула, но с места не сошла.

– Вы ее погулять отпускайте чаще, хорошо? Она говорит, что когда летает, то ей легче так...

– Понял. – Старый клацнул ноутбуком, привычно шикнул, обнаружив, что Цирля заслоняет монитор: ведь не умеет же читать, куда лезет? – Спасибо, Паша, выручил.

– Сав-Стьяныч, если вы закончили, то я у Цирли кое-что уточнить хочу. Она здесь еще?

Крылатка насторожилась, мрякнула. Гунька заговорил на кошачьем, уже не таким неуверенным голосом. Цирля один раз разъяренно вздыбилась, потом утихомирилась. Савве Севастьяновичу этот аккомпанемент печатать не мешал, однако, когда диалог завершился, он спросил:

– Это ты о чем с ней, если не секрет?

– Не секрет. – Паша пояснил, не сразу подбирая слова: – Я спросить хотел. В общем, по одной версии, крылатки еще в Древнем Шумере были, а по другой – у древних иудеев сперва появились. А Цирля оттуда родом. Есть версия, что «Йошкин кот» – не просто мифический персонаж, а с прототипом. Вроде у Иосифа Прекрасного, того, которого братья в рабство продали, крылатки водились, их поэтому так и называли.

– Ну и как, подтвердил версию?

– Наоборот. Цирля мне про Иосифа сказала, но про другого, про императора...

Савва Севастьянович подумал, что у Иосифа – не императора, а генералиссимуса – крылатки точно жили, прямо

на даче. До сих пор в Кунцеве выводок имеется. Правда, не на охраняемом объекте обитают, а все больше так, по соседским крышам³.

– Вы, если что, звоните, ладно?

– Ты тоже – если что, – согласился Старый: – Я мобильный не жалую, лучше на городской. Меня не будет – Соне передашь, она свяжется.

– А кто это? – От изумления Паша, кажется, опять замяукал.

– Помощница. Вроде тебя. – Савва Севастьянович снова принялся за писанину.

– До свидания! – выдохнуло вдруг в динамике телефона.

Старый не сразу понял, что это к нему обращаются. А когда спохватился, на всю комнату уже пищали гудки – пронзительные, обиженные. Слово Паша дверью хлопнул, а она стеклянная была, вот и разлетелась на миллион мелких дрожащих кусков. Цирля глянула на Старого и четко сказала:

– Мрак!

* * *

Артемчик сидит в кресле у изголовья, мнет задницей ребенковы отглаженные шмотки. Анька в постели – башка под подушкой. Не спит. Монотонно дергает плечами, давясь

³ В Кунцеве расположена так называемая «ближняя дача» Иосифа Сталина.

неслышным плачем.

– Аня! – Я выпутываюсь из грязнущего пальто, оставляю его на полу в прихожей. – Я тут, я пришла... Маленькая моя, ты что? Маму вспомнила, да?

– Ничего я не вспомнила! Ты не понимаешь! – Анька высовывает наружу влажную покрасневшую морду. – Просто у княжны Джавахи умерла мама! Я заплакала, а папа зачем-то испугался! И тебя позвал!

Между креслом и кроватью валяется растрепанный том Чарской. Тот самый, с ятями.

– Артем, выйди, я быстро! – тихо шиплю я. Могла бы и громко, от этого ничего бы не изменилось.

– Так ты из-за книжки расстроилась, да? – Я не замечаю припухших, накачанных слезами и обидой глаз. Анька дергает нижней губой – будто пытается отогнать с помощью этого нервного кривляния собственную беду.

Ребенок. Вот сейчас – ребенок. Из-за неумелого вранья, на которое способны только дети, свято уверенные в том, что сумеют притвориться как следует. «Да ничего я не плачу! Ничего я не испугался! Просто мне ботинки жмут, поэтому больно!» И чем старше мы становимся, тем сильнее верим в то, что способны плакать только и исключительно из-за ботинок. Тем больше шансов, что в это поверит окружающий мир. Взрослый. Недобрый.

– Да. – Анька отодвигается от меня. Вминает подушку в изголовье, вжимается в нее спиной и подпирает подбородок

коленями – словно пробует удержать его от дрожи. А я тем временем плюхаюсь на пол. Мне сейчас тоже так хочется – чтобы спиной в подушку, а лучше – одеяло на нос, и лежать. А вместо этого я пробую не злиться, радоваться тому, что все в порядке. По крайней мере Аньке хочется, чтобы я в это поверила.

– Анечка, ну... это хорошая книжка, но ведь книжка, понимаешь? Автор так написал, и мы ему поверили. А ведь ни Нины, ни ее мамы никогда не было...

– Я тебя ненавижу. Ты слышишь? Я тебя ненавижу! Дура! – Анька сжимает кулаки.

– М-да? С этого места, пожалуйста, более подробно.

– Я тебя ненавижу, потому что ты меня ненавидишь!

– Ань, ты продолжай, я вся внимание... – Начинаю рассматривать обстановку в Анькиной комнате – так, словно нахожусь здесь впервые. С такого ракурса и при таком освещении – да. Я же у Аньки по вечерам не бываю. Загляну, скажу «спокойной ночи», и все. А тут довольно странное место, кстати...

Стол со стопкой тетрадей и остро отточенными карандашами в ошетилившейся подставке. Игрушечный дом размером с хорошую собачью будку. В нем по команде «отбой» замерли в своих кружевных кроватках три или четыре куклы. Маленький, тоже как кукольный, ноутбук. Крышка у него блестит так, что напоминает фортепьянную. Чистая. Недавно протирали... И кукольный дом протирали, и стол. И пол-

ки книжно-одежного шкафа – те, что снаружи. Могу предположить, что Анькины шмотки застыли внутри в безмолвном и очень парадном строю. Не то как часовые, не то как конвой. Не то как расстрельная команда.

– Женька! Ну я же тебе сказала, что тебя ненавижу! – дергает меня ребенок. Мне очень хочется высвободить подол. Брезгливо его вырвать из Анькиной маломерной лапки.

– Я в курсе, моя радость. И ты знаешь, я тебя тоже ненавижу! – сообщаю я. А потом вдруг начинаю кричать. Хочу шепотом и веско, а получается рваный лай: – За что мне тебя любить? Ты мне хоть раз что-нибудь хорошее сказала? Думаешь, мне с тобой легко? Думаешь, я хотела с тобой возиться?

Анька молчит. Обхватывает голову руками и клонит ее к вздернутым коленям – словно хочет справиться с тошнотой. Или снова спрятать слезы.

– А ты не хотела меня брать? Ты меня не хотела брать, да? Ты не хотела...

– А меня никто не спрашивал, Ань. Мне приказали – я выполнила, – совершенно честно сообщаю я. – Велели взять тебя и позаботиться. Любить никто не просил.

– Да? – Анька снова смотрит на меня.

Взгляд у нее совсем не взрослый. И даже не привычно-звериный. Он... как в театре, очумелый совсем. Только там зритель беду персонажа воспринимает как свою. А Анька... Наверное, хочет, чтобы это все было не про нее, а про персонаж. Потому что поверить в такое невозможно. Я и са-

ма в такое не поверила в свое время. Может, этим и спаслась.

– Да. Мне никто не приказывал тебя любить. Я сама хочу это сделать. Чтобы ты... чтобы тебе было хорошо. Я верю, что ты хорошая, просто тебе плохо. А мне с тобой очень трудно. Ты же не помогаешь.

– Я помогаю. Я у себя в комнате убираюсь, – отвечает мне Анька. И моргает, но все равно без слез.

– Да, я вижу. Спасибо. Ань, я знаю, что тебе тяжело. Но мне тоже тяжело, понимаешь? Мы с тобой незнакомые люди, я ничего про тебя не знаю. Я даже не могу понять, ты взрослая или ребенок?

Угу. Взрослая она, как же. Девчонке восемь. Или меньше? Я никак не могу запомнить, когда у Аньки день рождения. Ну вот хоть убей. Столько документов всяких оформляла, а вот все равно не задерживается эта мысль в голове...

– Я теперь взрослая. Мама всегда говорила, что, пока она... она есть, я буду маленькая. Даже если стану старушкой. – И Анька рушится сморщенной мордочкой мне в плечо. Так отлаженно... как после сотни репетиций. А я ее обхватываю и прижимаю к себе – тоже так, будто я это делала всю жизнь. Все свои жизни подряд.

– Ань... Ты знаешь, я тебя все равно очень люблю. Даже когда говорю, что ненавижу или от тебя устала, то все равно. Я тебя понимаю, правда. Тебе сейчас восемь, а мне, когда у меня мама... Когда мне тоже так сказали...

Я бормочу и глажу. Не ведьмачу, не работаю руками и

словами – нам для себя такое запрещено, – я просто говорю Аньке то, что чувствую. Потому что она действительно сейчас маленькая в своей огромной тоске. Горе большое, а Анька маленькая. У нее беда не по размеру. Великовата.

– Я все понимаю, честное слово, – бормочу я, с ненавистью глядя на томик «Княжны Джавахи». Только сейчас заметила, что под обложкой – деньги. Тот самый аванс. Я думала, что Анька его спрячет. Да шут бы с ними. Я бы сейчас и эти деньги отдала, и все Артемкины. Только для того, чтобы Анька перестала выть мне в плечо. Не потому, что плечо уставшее, и не потому, что помимо моего плеча есть и другие – куда крепче и приспособленнее для детских слез. А чтобы Аньке не было плохо. Этой сопливой заразе, вот. Наверняка сейчас отрвет, вытрет об меня всю морду и скажет железным тоном: «А я тебя все равно ненавижу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.